

Наталья Шевцова

Жена
вместо ПРИГОВОРА.

или О бедном драконе замолвите слово

Наталья Шевцова

**Жена вместо Приговора, или О
бедном драконе замолвите слово**

«Автор»

2023

Шевцова Н.

Жена вместо Приговора, или О бедном драконе замолвите слово /
Н. Шевцова — «Автор», 2023

«Хочешь жить – сумей жениться!» – объявил свой приговор жестокий император. От чего ж дракон не весел? Славну головушку свою повесил? Аль невеста не красива, не знатна и не богата? Да, нет же, всё при ней! И коли фиктивно, то она совсем не против, чтоб на ней женились. Где же тут тогда жесткость и причём «сумей жениться»? А притом, что у НЕВЕСТЫ ЭТОЙ женихи НЕ ВЫЖИВАЮТ! Точнее, не доживают... до момента бракосочетания. В тексте: – расследование тайны; – слегка чокнутые, но беззлобные обитатели древнего замка; – острая на язык и вообще большая шутница главная героиня, излюбленным объектом остроумия и шуток которой является вышеупомянутый дракон

© Шевцова Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	25
Глава 5	29
Глава 6	33
Глава 7	37
Глава 8	41
Глава 9	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Наталья Шевцова

Жена вместо Приговора, или О бедном драконе замолвите слово

Пролог

Когда фаерине Кае делла Марте Некрос Мориар, Владычице сумеречной пустоши, закатных скал и этого самого замка, который она в данный момент громко проклинала, наконец удалось добраться до дверей маленькой золотой гостиной – она была злее самого злобного дракона и готова была испепелить, причём не только образно говоря, но и в прямом смысле, любого из своих так называемых помощничков, которому бы не повезло первым попасться ей на пути. Однако и здесь ей не повезло. За дверью гостиной она обнаружила совсем не тех, кого искала. Хуже того, за дверью оказались те, кого она и в самом радужном-то настроении с трудом выносила, а в таком как сейчас...

Движимая инстинктом себялюбия и самосохранения, могущественная некромантка и вроде как хозяйка этого замка поспешила закрыть распахнутую ею дверь.

Ага, сейчас! Не тут-то было! Ибо из угла комнаты уже несло сладко-приторное и одновременно капризно-обиженное.

– Ка-аая, дорога-аая, ты куда-аа?!

Прощебетала, надув узенькие губки одна из трёх её тёток. Впрочем, две оставшиеся тут же последовали её примеру.

Дурной пример, он, как известно, заразителен.

Поэтому и их матушка и по совместительству бабушка Каи, которой триста лет в обед, тоже обиженно-капризно надула губки. И любовник-приживала тоже... Любовник, кстати, был бабушкин (не тёток). Ибо тётки, все три, были старыми девами. Причём старыми девами, как они утверждали, по собственному выбору. Хорошо зная тёток, Кая в это ни на секунду не верила, но, будучи девушкой умной, никогда вышеупомянутого утверждения не оспаривала.

– У меня дела, очень, очень срочные! – нервно ответила девушка. И сделала очередную попытку ретироваться. И она уже даже решительно развернулась на каблуках и решительно зашагала прочь... Однако, для того, чтобы успеть смыться, проделала она всё вышеописанное недостаточно быстро.

– Но, Кая, мы надеялись, что ты уделишь нам хотя бы минутку своего внимания! – жалобно заблеяли тётушки. А их матушка согласно закивала. – Но у тебя никогда нет на нас времени! А мы ведь твоя родня! Мы переживаем за тебя! – дополняя друг друга, засыпали её «проявлениями своей заботы» тётушки. – И по поводу всех этих слухов мы тоже переживаем! Ты бы уделила нам хоть минутку своего внимания! Поделилась бы с нами, милая? Кстати, а как поживает последний из твоих женихов?

– Никак уже не поживает! – на свою беду Кая не сдержалась и сказала чистейшую правду.

– Что и этот... того? – завздыхали изображающие сердобольность тётушки и их матушка.

– Да, – с тяжелым вздохом нехотя признала девушка, не заметив, как азартно загорелись глазки у грустно охающих и горестно причитающих родственников.

А что ей оставалось делать? Толку скрывать. Всё равно они скоро узнают.

– А нового, как думаешь, пришлют? – как-то слишком уж пылко и слишком заинтересованно, на взгляд Каи, уточнил любовник-приживала, длинноногий и худой как щепка щёголь далеко не первой молодости, но по-прежнему мнящий себя неотразимым красавцем.

– А тебе что за дело?

Кая настолько изумилась, что даже забыла о хороших манерах.

– Просто интересно, – пожал плечами «неотразимый красавец». – Что уже и спросить нельзя?

Кая возможно и поверила бы, если бы не заметила, что три её тётки и их матушка тоже почему-то тут же принялись изображать, что им совершенно неинтересно, пришлют ли следующего.

– Хммм, – окинула хозяйка замка своих родственничков. – А это уже интересно...

«Нет, не интересно! Тебе это совершенно не интересно!» – не позволила она себе, увлекшись новой загадкой, потерять цель. Довольная собой, что сумела вовремя остановиться, девушка в очередной раз попыталась закрыть столь опрометчиво открытую ею несколько минут назад дверь.

Свобода была уже близко. До неё оставалось просто какие-то несколько шагов.

И тут, откуда не возьмись, перед ней возник малыш Парки, которому, к слову, по-другому то и появляться было не положено. Потому что Парки был призраком.

Что, отнюдь, не помешало хилому и болезненному на вид семилетнему малышу заблокировать собой проход. Кая попыталась отодвинуть приставучего призрака в сторону, но тому настолько не терпелось поделиться с ней своей информацией, что он даже забыл про свойственную ему робость.

– Они делают ставки как на промежуточный, так и на конечный результат! – одновременно обвинительно и напыщенно возвестил исполненный чувства праведного негодования малыш.

– Что?!

Недоуменно-раздраженно уставилась на призрака Кая, которая не сразу поняла о каких ставках он говорит.

– На какой ещё конечный и промежуточный результат?

– Все в замке пытаются угадать, сколько твоих женихов умрёт, а сколько пропадёт без вести, прежде чем тебе или перестанут их присылать или ты всё-таки выйдешь замуж! И делают на это дело ставки! – со свойственной только детям непосредственностью и искренностью возмущенно, но при этом радостно и звонко отчеканил каждое слово призрак.

– Па-ааарки! – задохнувшись, выдохнула почтенная матушка трёх старых дев. Вслед за чем затараторила. – Не отвлекай Хозяйку своими небылицами. Разве не видишь, она ОЧЕНЬ занята?! А ты её отвлекаешь!

Смотрящие твёрдо и непоколебимо ясные светло-голубые голубые глаза призрачного семилетки укоризненно воззрились на говорящую.

– Это никакие не небылицы! – стоял на своём малыш. – Я говорю чистую правду!

– И откуда только у тебя столь странные мысли? – ворчливо продолжала старуха, не сумевшая, впрочем, выдержать осуждающего взгляда мальчика.

– Это правда? – поинтересовалась Хозяйка замка, испепеляя взглядом тётушек, их матушку и приживалу.

– Первый раз слышу! – уверенно и безапелляционно заявил приживала.

– И мы тоже! – в унисон объявили тётушки, которые для пущей убедительности, не только огорошено переглядывались между собой, но и активно пожимали плечами.

– И вообще мы в шоке, как ты могла о нас такое подумать! – озвучила общее мнение Агнессы, самая толстая и бойкая из тётушек. – Мы не из тех, кто легкомысленно относится к вопросам жизни и смерти! – с видом оскорбленного достоинства объявила она.

– Да конечно! – скептически заметил Парки. – А не ты ли только что шепнула Матушке, которая у вас букмекер, на ушко, что хочешь увеличить ставку?

Кая, возмущенная настолько, что даже потеряла дар речи уставилась с открытым ртом на сухонькую старушеницу.

– Ба-ааа-бу-ля?!

– Кто букмекер? Я букмекер?! – возмущенно востепенулась бабуля. – Наговор! Как есть наговор! Я, чтобы ты знала, всего лишь помощник букмекера!

– Упс... – победно прокомментировал Парки.

– Ой-ыыыы, – прикрыв болтливый ротик обеими пухлыми ручками, завывала старая некромантка.

– Ага! – прокомментировала внучка, воинственно уперев руки в боки. – Сказала «А», говори и «Б». Ба-бу-уууля-ааа, я жду...

– Ы-ыыыы! – продолжала завывать пойманная на нечаянно выпорхнувшем слове, бабуля. И покосилась на потолок.

– До трёхсот лет дожила, а умишком как была слаба, так и осталась! Куда только наш род... Наш славный род Марте Некрос Мориар катится! – сокрушенно донеслось с потолка. – Никому ничего доверить не-ль-зя! Всё приходится самому!

– Деду-ууушка, я нечаянно! – заскулила почтенная старая матрена.

– Видел я как ты нечаянно, Танталия! Старая уже хрычовка, а как была дурой, так и осталась! – ворчливо прокомментировал важно спустившийся с потолка бравый длинноусый призрачный вояка. – И ты ещё у меня спрашивала, почему Кая – получила силу, а не ты! – уничижительно добавил призрак.

– Сам старый хрыч! – огрызнулась Танталия. – Я на тысячу лет моложе тебя буду!

– Цы-ыыыц! Ты как со старшими разговариваешь, малявка?! – гаркнул старый призрак, в очередной раз найдя к чему придрататься. Причём гаркнул так, что стены старого замка настолько испугались, что не просто содрогнулись, а подпрыгнули.

– Так вот, значит, почему ты, дедуля, выставил условие о четырёх седмицах?! – приговившейся к прыжку коброй зашипела внучка. – Потому что ты, старый мерзавец, оказывается, тотализатор на количество моих покойных женихов организовал?! А охоту на них тоже ты организовал?! – обжигая предка гневным взглядом, выдвинула обвинение потерявшая уже четверых женихов невеста.

– Э-эээ, внуча! Не возводи напраслину! – искренне возмущился дед. – Не трогал я твоих женихов! Поэтому говори, да не заговаривайся! Тотализатор, да, моих рук дело! Потому как... – почесал призрак затылок. – Ну как же можно было такую возможность упустить?! Мы ж тут все, как в склепе живём! Такая скуотища!

– Ты призрак вообще-то! Тебе положено в склепе жить! – заревев раненым зверем, напомнила давно почившему деду внуча.

– Не просто призрак вообще-то, а Хранитель замка! – ворчливо напомнил дед.

– Тем более! – фыркнула Кая и перевела грозный взгляд на своих родственниц, подобострастно поддакивающих призрачному старому пройдохе. – А вы!

– Не при-иииизраки-ии! – противным ехидным голоском в унисон заверили её родственницы.

– И поэтому НЕ ЖЕЛАЕМ жить как в склепе! – с вызовом добавила бабка.

– И поэтому я заслуживаю УВАЖЕНИЯ! – вторил им Хранитель замка.

– Вот-вот, не желая... – попытались было поддержать маменьку дочери, но были грубо прерваны раздраженным рыком племянницы.

– Пока не призраки! – многозначительно хмыкнув, раздраженно заметила девушка, проигнорировав комментарий призрака. – Но ещё одно слово и...

Кая не сдвинулась с места и даже пальцем не шевельнула, но в гостиной вдруг ощутимо потемнело и похолодало. Более того, под потолком начали сгущаться тучи.

Уже знакомые и с дождём из жаб, и прицельным обстрелом градинами и просто ледяным душем и всё это происходило, разумеется, прямо в стенах их родного, но не всегда уютного дома – мгновенно растерявшие всё свою смелость тётушки благоразумно примолкли.

– И у нас появятся новые покойники?.. – то ли озадаченно поинтересовался, то ли озабоченно предположил в установившейся предгрозовой тишине тоненький голосок из камина. Нет, обладатель голоска не был самым смелым. Просто паучёнку Ууху, окопавшемуся по макушку в тлеющих углях камина, темно было и до этого, а резкого похолодания он по этой же причине просто-напросто не почувствовал. – Но мы же их не будем учитывать, я правильно понимаю, да, папа?

Однако папа, он же один из ближайших помощников Владычицы Сумеречной Пустоши и по совместительству Глава Замковой Стражи, грозный паук крестоносец по имени Спуки, вместо того, чтобы ответить сыну лишь поглубже зарылся в каминные угли, потому как вообще-то он здесь прятался. И причём прятался именно от Каи. Точнее от её гнева.

«Старею! Теряю хватку! Иначе не допустил бы такой просчёт. Причём сразу двойной. Сначала очередного жениха не уберёт, а теперь вот ещё и с местом, чтобы надёжно спрятаться, пока Хозяйка слегка остынет, не угадал! – мысленно посетовал Спуки. – Хотя нет, – тут же оправдал он себя, – другой комнаты, из которой Кая поспешила бы убраться, как только поняла, кто её оккупировал, в замке больше нет. Эх, если бы не Парки! И не сынок мой, идиот! Но может ещё и пронесет?...» – мечтательно вздохнул провинившийся Глава Замковой Стражи.

– Разумеется, нет, Уух! – раздраженно фыркнул организатор тотализатора. – В инструкции, которую я вам всем раздал, было четко указано, что ставки принимаются только на количество почивших или без вести пропавших женихов фаерины Каи дела Марте Некрос Мориар.

– В инструкции тотализатора? Вы серьёзно? – не поверила своим ушам Кая.

– Разумеется, серьёзно, – фыркнул древний призрак. И важно изрёк. – Всё должно быть по закону! А закон он точность формулировок любит! – провозгласил он, тыкнув в потолок указательным пальцем.

– Ты! Вы! Вы все! Ну вы и... – девушка была так возмущена аморальностью и беспринципностью своих домочадцев, что просто слов не могла подобрать. – Ааах... – со вздохом махнула она рукой. – Что с вами говорить! А вот с тобой, букмекер, пойдём, поговорим! И с тобой, Спуки!

– Но папы здесь нет, – попытался исправить свою недавнюю оплошность Уух.

– И не было! – добавила для большей верности его сестра Аах.

– Спуки, не зли меня! – по тону Хозяйки было ясно слышно, что шутки закончились. – Я считаю до двух! Раз...

Она снова не сдвинулась с места и даже пальцем не шевельнула и, тем не менее, внезапно ощутимо потянуло промозглым, сырым холодом самых старых и самых глубоких могил – тех, в которых нечем дышать и...

– Уух, Аах, как это папы здесь нет? И не было?! Вы что уже родного отца не узнаете?! – поспешно вынырнул из углей патриарх паучьего семейства. – Ооо! Хо-ооозьяка! Ка-аакой приятный сюрприз! А я тут просто прилёг на угольки, чтобы поясницу погреть. А то ведь радикулит совсем замучил. И представляете, уснул, – скороговоркой принялся оправдываться-лебезить грозный паук-крестоносец.

– Ты и ты, – указав сначала на Хранителя замка, а затем и на своего Главу Замковой Стражи, царственно возвестила Хозяйка. – Следуйте за мной!

Глава 1

Наследник великого рода Брандебургских серебряных драконов, герцог Сигмар делло Бранд вплоть до того самого момента, пока не увидел своими глазами, что его ведут не куда-нибудь, а прямоком на эшафот, не мог поверить в то, что его дед (родной причём дед!) действительно выполнит свою угрозу...

– Ещё раз вляпаешься – и пальцем не пошевелю! – с обычной для него безапелляционностью в очередной, то ли пятый, то ли уже шестой раз, заявил старый дракон пару месяцев назад, после того, как выложил довольно-таки кругленькую сумму в качестве выкупа за захваченного в плен внука.

И, само собой разумеется, хотя Сигмар и покаянно кивал, изображая, что, мол, всё понимает и полностью разделяет возмущение деда – старому дракону он не поверил. Более того, он был уверен, что дед и в десятый и в одиннадцатый раз обязательно придет ему на помощь.

Ан нет!

Ничего не скажешь, удивил дед. Так удивил, что от такого дива-дивного недолго и умереть! С тоскливым вздохом подумал приговоренный к смерти через повешение, покосившись сначала на эшафот, а затем на оковы на своих руках и ногах.

Неужели дед, как и император, не поверил мне, что я не убивал младшего наследника престола? Размышлял Сигмар. Я ведь объяснил ему, что просто споткнулся о его тело. Уже мертвое тело! Ну да, споткнулся, когда давал стрекача, унося ноги от стражи! И да, ноги я уносил потому, что в гости к себе наследник меня не приглашал.

Но император понятно, а вот дед. Я ведь объяснил ему, что у меня была по-настоящему хорошая причина для того, чтобы прокрасться тайком в покои младшего принца...

Кинув очередной унылый взгляд на виселицу, молодой дракон ещё раз скорбно вздохнул. А затем и ещё раз.

Если бы он знал в то погожее утро, когда на пороге его замка объявилась прекрасная как богиня зари Её Высочество Артания, чем всё закончится для него, то никогда бы не согласился оказать ей «маленькую услугу».

– Нет! – с усмешкой возразил он сам себе. – Я слишком хорошо тебя знаю, приятель. Согласился бы! Ещё как согласился бы! Просто потому что ты, во-первых, не умеешь отказывать хорошеньким девушкам, а во-вторых, ты не из тех, кто способен оставить красавицу-фаерину в беде.

– Да уж ничему меня жизнь не учит! – усмехнувшись, сам с собой согласился Сигмар, вспомнив о том, что предвестницы всех серьезных передрыг в его жизни и в самом деле были красавицами. – Но таков уж я. Никогда не мог спокойно выносить женских слёз. Даже тогда, когда подозревал, что слёзы не совсем искренние. Зато я жесток и беспощаден с обидчиками красавиц! – саркастически похвалил он себя. – И, кроме того, слёзы прекрасной Артании были совершенно искренними! – воодушевленно заверил он себя. И тут же сам над собой сыронизировал. – По крайней мере, мне очень хочется в это верить!

Три дня назад.

Посетительница явилась ранним утром, заставив Сигмара преждевременно покинуть уютные объятия не только тёплой постели, но и его новой пассии. Поэтому по лестнице он спускался далеко не в самом добром расположении духа.

Однако как только взгляд его упал на гостью, которая дожидалась его на террасе и была отделена от него стеклянной витражной стеной, дух его тут же подобрел. Значительно подобрел. Он глядел незнакомку с ног до головы и счел, что она более чем достойна второго взгляда. А также третьего и четвертого и так далее... и до бесконечности.

Высокая златовласка с аппетитными округлостями во всех стратегически важных местах. Кожа – чистый атлас нежнейшего оттенка! Осанка и улыбка, говорившие, что её обладательница знает о впечатлении, которое производит её красота на мужчин. Она казалась расстроенной, и Сигмару тут же захотелось утолить все её печали.

– Похоже, я влюбился, – сообщил он своему дворецкому, с которым у него давно уже сложились скорее приятельские отношения, чем отношения слуги и хозяина.

– Пятый раз за эту неделю?! – иронично хмыкнул тот. – А как же барышня, которая дожидается вас в вашей спальне? Всё, прошла любовь? Ей так и передать?

– Лстец! – Сигмар сделал вид, что принял предложение приятеля за чистую манеру. – Я хорош, Колин! Но не настолько, чтобы уговорить ЭТУ фаерину прямо сейчас подняться со мной в спальню!

Так как к этому моменту они уже достигли двери, ведущей на террасу и Колину, как хорошо вышколенному дворецкому полагалось её немедленно открыть перед хозяином, то он лишь закатил глаза.

Вблизи златовласка тоже не разочаровала, у неё оказались самые красивые голубые глаза, которые молодой дракон, когда-либо видел и совершеннейшие черты лица. Овеяв тончайшим ароматом изысканнейших духов и одарив улыбкой, от которой у Сигмара подогнулись ноги, незнакомка сразу же перешла к делу, чем покорила его окончательно и бесповоротно.

– У меня неприятности, и фаера Тордис, Повелительница Бурь сказала, что, возможно, вы сможете мне помочь. Кроме того, она сказала, что вы из тех мужчин, которым можно доверять, – на этих словах её чарующе музыкальный голос приобрел интимно-заговорщицкие интонации.

Поскольку сам хозяин дома себе в отношении столь хорошеньких файерин, какой была его гостья, не доверял, то он дипломатично заметил: – Вообще-то обо мне говорят разное. Но хранить чужие тайны я действительно умею. Что же касается спасения попавших в беду прекрасных фаерин, то это у меня в крови.

– Значит, я пришла по адресу, – с облегчением выдохнула красавица и, наконец, воспользовалась предложением присесть. – Потому что я в беде! Большой беде! И дело моё не только личное, но и очень щекотливое...

У Сигмара было не только острое зрение, но и хорошо наметанный глаз, поэтому от него не ускользнуло ни роскошное, достойное королевской особы, платье гостьи, ни то, что за витражным окном на подъездной алее его замка толпились люди в ливреях соседнего королевства. Другими словами, он уже приблизительно понимал, кто именно к нему пожаловал в гости, но зачем же гадать, если можно просто спросить.

– Как, вы сказали, вас зовут, фаерина...?

– Я не сказала... – кокетливо улыбнулась гостья.

– Но я думал, что мы уже определись с тем, что мне можно доверять? – вкрадчиво заметил хозяин дома.

– Я принцесса Артания Маргритская. Неужели вы меня не узнаете? – поджала губки гостья.

– Уверяю вас, Ваше Высочество, если бы я вас хотя бы однажды, хоть мельком увидел, я бы вас уже не забыл! – поспешил заверить галантный хозяин. – Но обстоятельства вынудили меня на довольно долгое время покинуть Великую Логиртанию, затем я долго восстанавливался физически...

– Я разыгрываю вас, – засмеялась Артания. – Я только вчера прибыла в Великую Логиртанию! И вчера же и начались мои беды... – очаровательное личико принцессы померкло.

– Расскажите мне, – участливо предложил мужчина.

– Папенька надумал выдать меня замуж. И ваш старший наследник показался ему вполне достойной партией, – несколько невпопад, по мнению Сигмара, вдруг сообщила его гостья. Но

тут же здраво рассудил, что Её Высочество не из тех, кто будет говорить не о чём. И оказался прав. – О нашей помолвке объявят завтра вечером на балу в честь урожайной луны. Но если до завтра вы не найдете и не отдадите мне шкатулку, то никакой свадьбы не будет! Хотя некрос с ней, со свадьбой! Я буду опозорена! И папенька упрячет меня в монастырь! А я не хочу в монастырь! – красавица зарыдала навзрыд.

– Так давайте по порядку! – дабы не бросится вытирать слёзки прекрасной фаерине, решил занять свой мозг работой Сигмар. – Во-первых, что такого важного было в шкатулке, что может вас погубить? Во-вторых, что случилось со шкатулкой? Её у вас украли? Вы её потеряли? Кому-то подарили? В-третьих, что случилось вчера?

– Письма... – горестно вздохнув, всхлипнула принцесса. – Не знаю, в курсе ли вы, но Бертран какое-то время гостил у нас и... я думала, надеялась, что мы с ним поженимся. Но папенька решил по другому-уууу.

И она горестно зарыдала с ещё большей силой, чем прежде. Другая бы от таких иступленных рыданий была бы уже красной как рак и лицо пошло пятнами, а Артания, отметил уже по уши влюблённый Сигмар, стала лишь ещё более прекрасной. Сердце его защемило. А глаза заволокло красной пеленой. Он заставит мерзавца, обидевшего такое прекрасное создание, заплатить!

– Если я правильно вас понял, – решил он помочь фаерине, дабы лишний раз не отвлекать её от рыданий. – Кто-то похитил шкатулку, в которой находились письма Бертрана к вам. И письма эти были весьма интимно-щекотливого содержания. И теперь вы опасаетесь, что о вас с ним пойдут слухи? И что эти слухи могут настолько расстроить вашего будущего мужа, что он откажется на вас жениться? И тогда прощай корона Великой Логиртании...

– Нет, дело не в этом, – всхлипнула Артания.

– Не в этом? А в чём?

– Письма были не от Бертрана, а от меня. И шкатулку не похитили! Она не моя! – всхлипнула принцесса. – Это шкатулка Бертрана! И это он меня шантажирует!

– Потому что любит вас и не хочет потерять? – уточнил Сигмар, изо всех сил постаравшись, чтобы его вопрос не прозвучал скептически.

– Говорит, что да, – всхлипнула Её Высочество. – Но вы и я прекрасно понимаем, что никакая это не любовь! А просто уязвленное самолюбие! Он ведь знает, что погубит меня!

– И себя тоже... – задумчиво заметил Сигмар.

Он пытался и не мог представить младшего наследника, рискующего расположением своего папочки-короля ради любви. Тот Бертран, которого он знал, никогда не относился трепетно к женскому полу. Кому как не ему об этом знать, ведь именно свинское отношение к фаеринам, точнее, к одной конкретной фаерине, и положило конец их с принцем многолетней дружбе.

– Это его выбор, а значит и его проблемы! – фыркнула принцесса. – А я за что должна страдать?! За то, что влюбилась? И по глупости написала несколько писем?

– Несколько это сколько? – решил сразу уточнить Сигмар, чтобы потом не забыть.

– Дюжина или две... Искренне говоря, я не знаю сколько! И никогда не знала! Говорю же, я была влюблена! Я тосковала по любимому и изливала на бумагу свои чувства... Иногда каждый день. Иногда реже. Поэтому и важно, добыть шкатулку! Он хранит все мои письма там! Я это точно знаю! – в очередной раз всхлипнув, уверенно уведомила прекрасная гостья. – Теперь вы понимаете, насколько моё дело деликатное? Я понимаю, что прошу о слишком многом, но я должна получить мои письма обратно! Я буду честна с вами, Сигмар, кроме вас мне не к кому больше обратиться за помощью... Поэтому умоляю вас, помогите мне!

Сигмар пытался собраться с мыслями. Проникнуть в охраняемые покои королевского дворца, дело было не шуточное уже само по себе, а если его поймут...

Совсем недавно ему с трудом удалось выкрутиться из весьма опасной для его жизни заварушки. Да и «удалось выкрутиться» это очень громко сказано! Дед в буквальном смысле

слова выковырял его из этой заварушки. Да притом ещё и по кусочкам. В том смысле, что сначала ему отдали палец внука и только потом и самого внука.

Благо, у драконов регенерация отличная, а то остаться бы Сигмару навсегда без мизинца на правой руке.

Молодой дракон так впечатлился, что даже клятвенно пообещал себе: «По крайней мере, в ближайшие пять лет – больше никаких приключений!»

Деньги наследнику рода серебряных драконов никогда не были нужны. А впечатлений, после последней авантюры, более чем хватало.

Однако на беду Сигмара у него уже успела сложиться вполне определенная репутация и потому по Великой Логиртании продолжал ползти слушок, будто он из тех благородных фаеров, которые не способны оставить фаерину в беде.

И поэтому к нему продолжали и продолжали приходиться нуждающиеся в утешении фаерины... И если они выглядели, как прекрасная Артания, то они получали не только утешение, но и его самого в личное пользование, если, конечно, изъявляли желание.

Вот только Артании нужно было совсем не утешение... И Сигмар уже открыл было рот, чтобы отказать принцессе. И... не смог.

– Полагаю, Ваше Высочество, что помочь вам вполне в моих силах, – изрёкли его губы, живущие отдельной от мозга жизнью.

Глаза гостьи вновь засияли как звёзды. Благодарность её была бурной и восторженной, но краткой, потому что принцесса вдруг вспомнила, что она опаздывает на последнюю примерку платья, которое ей пошили специально для завтрашнего бала. Она достала из сумочки свиток с нарисованной на нём шкатулкой и план комнаты младшего наследного принца, на котором стрелочками были указаны возможные местоположения шкатулки. Вслед за чем ещё раз поблагодарила своего будущего спасителя, на сей раз чинно и с достоинством, и направилась к выходу.

Сигмар, так и не понявший до конца, что только что произошло и почему он всё-таки согласился, пожевал губами, скорее машинально, чем осознанно поднялся и апатично потащился следом за Её Высочеством, потому как приличия требовали проводить её. Однако его дворецкий сидел в засаде и перехватил у него эту «великую» честь.

Озабоченный думами о том, и куда же это он снова влип, Сигмар уступил дворецкому без боя.

И подумать ему было о чём. Проникнуть в покои Бертрана было хотя и сложно, но возможно. В детстве и юности они были с младшим наследником «не разлей вода», поэтому он практически жил в его покоях. С другой стороны, если его поймут, то это очень не понравится, мягко говоря, не только императору, но и его деду. С третьей стороны, Сигмар очень не любил когда его используют в слепую, а, кажется, только что именно это и произошло. Он подозревал, что принцесса Артания не просто так к нему пришла, а потому что знала, насколько хорошо он знаком не только с королевским дворцом, но и графиком смены караула. Однако была ещё и четвертая сторона... Сигмар слишком поздно понял, что из себя представляет его лучший друг и за это его незнание своей жизнью заплатила его кузина. Милая, добрая и наивная Лорелия. Именно поэтому он не мог допустить, чтобы Бертран погубил ещё одну пусть отнюдь и не столь милую и наивную фаерину.

Пятьдесят четыре года назад.

Не помнящий себя от бешенства и потому буйный как тысяча морских штормов Сигмар ворвался в таверну, где его уже подвыпивший друг отплясывал канкан в обнимку с разбитными полубожаженными красотками.

– Подонок!

– Ты о чём, Сиг? – искренне удивился и заявлению и гневному другу принц.

– Как ты мог?! Я поверить не могу?! Как ты мог?!

– Ты о чём, Сиг? – снова не понял принц.

– Я говорю о Лорелии, моей кузине. Ей едва исполнилось пятнадцать! Ты скотина! Ты изнасиловал её!

– Лорелии? Сиг, да не трогал я её! Я же тебе пообещал, что даже не посмотрю в её сторону! Да и было бы на что смотреть! И вообще, разве мог я нарушить слово данное своему другу, своему названному брату?! Поэтому брат, прекращай нести чушь, садись, лучше выпьем! Ты только посмотри, какие девочки! – причмокнул младший наследник губами. – Просто персики!

Сигмар многое бы отдал за то, чтобы поверить Бертрану. Но на смертном одре не лгут, а его маленькая кузина уже приняла яд и знала, что умрёт, когда назвала ему имя своего насильника. Бедняжка и собой-то покончила потому, что была уверена – ей, оставшейся сиротой бедной родственнице, которую приютили по доброте душевной – никто поверит! Ведь её насильником был никто иной, а сам сын императора, который к тому же являлся лучшим другом внука её благодетеля.

– Ты мне больше не друг! И не брат! Бертран Боллиболдр делло Раудорм Бруниинглинг из рода Красных драконов я вызываю тебя!

И все находившиеся в таверне как один ахнули.

Не успел ещё Бертран ответить, как Сигмар раскинул руки в стороны, откинул голову и испустил яростный неистовый рёв, от которого содрогнулись стены таверны, на тысячи осколков разлетелись зеркала, глиняная и стеклянная посуда, а также стекла в окнах.

Бертран повернулся в сторону своего бывшего друга и свирепо уставился на него.

Тело Сигмара между тем пронзила предвещающая перевоплощение судорога и он поспешил покинуть помещение. Мышцы скручивались у него под кожей и раздувались. Тело росло и быстро менялось, приобретая новую форму. Одежда треснула на нём и разлетелась на лоскутки, а его тело всё продолжало расти и расти...

Прошло всего несколько мгновений и Сигмар-человек исчез. На его месте появился огромный дракон, чья чешуя отливала благородным серебром. Дракон подпрыгнул, расправил огромные крылья, откинул, увенчанную рогами голову, встряхнул роскошным волнистым гребнем, украшавшим его шею, и испустил неистовый рык, прокатившийся громовым эхом по всем близлежащим окрестностям.

Взмахивая сильными крыльями, Сигмар поднимался все выше и выше, позволяя ветру со всех сторон обдувать его сверкающую серебром чешую. Он знал, что Бертран не сможет проигнорировать его вызов. И потому стремился улететь как можно дальше в горы, прежде чем он и красный дракон сойдутся в смертельном бою.

Бертран, однако, не спешил его догнать, и Сигмар уже даже подумал было, что младший наследник оказался не только подлецом, но и трусом...

И тут прямо под ним раздался злобный рык. Это, на земле, широко раскинул руки младший наследник. Одно мгновение и его человеческое тело трансформировалось в огромную драконью тушу, чешуя которой переливалась на солнце багряными сполохами. Взмахивая ярко-алыми как человеческая артериальная кровь крыльями, красный дракон стремительно и свирепо понесся на серебряного.

Сигмар знал, что пламя красных драконов более свирепое и жаркое чем пламя серебряных, но зато на его стороне были скорость и маневренность.

Выбежавшая из таверны толпа с земли наблюдала, как один громадный дракон нагоняет другого. Внезапно серебряный дракон развернулся и полыхнул струей мощного пламени в красного. Дабы избежать огненного залпа, способного выжечь ему глаза, красный резко ушел вниз, подставив пламени свою, защищенную толстой броней спину. Отлетев от серебряного на безопасное расстояние, он принялся кружить на месте, разрабатывая план атаки.

Серебряный дракон, казалось, отвлёкся всего лишь на пару секунд, чтобы осмотреть окрестности и убедиться в том, что он и его противник отлетели достаточно далеко в горы. Тем не менее, этого времени красному вполне хватило, чтобы надёжно спрятаться в одной из алеющих в лучах предзакатного солнца грозowych туч, быстро надвигающихся на них с запада.

Не сумев определить местоположение своего противника, Сигмар на мгновение растерялся, он вытянул свою гибкую длинную шею и заозирался по сторонам.

До его чутких ушей донесся порывистый звук. Это красный атаковал его с внезапностью ураганного ветра.

Сигмару удалось парировать удар, но он всё же опоздал на какие-то доли секунды. Когти красного рассекли ему шею, оставив на ней пылающую болью кровавую полосу. Неистово хлопая крыльями, серебряный дракон постарался отлететь от противника на безопасное расстояние, однако в планы красного не входило дать ему передышку.

Пока раненный Сигмар отступал, чтобы получить возможность перевести дух и собраться с мыслями, Бертран набрал высоту и теперь, сложив крылья, с чудовищной скоростью пикировал напрямик на него, готовясь извергнуть из своей пасти мощнейшую струю пламени.

Неистово захлопав крыльями, серебряный дракон хотел было уйти из под шквала огня, но мгновенно понял, что не успеет. Вскинул голову, он заглянул в глаза бывшего друга, которого все эти годы любил как брата. Увидев в его глазах лишь бескомпромиссный кровавадный огонь, он принял решение...

Беспощадное страшное пламя вот-вот должно было извергнуться на него. Ему всё равно не жить.

Сигмар сжал зубы, напряг крылья и взял курс на таран противника. Ярость в глазах Бертрана сменилась удивлением. Такой реакции он не ожидал. Драконы неслись прямо на встречу друг другу. Красный дракон расправил крылья и попытался уклониться в сторону. Но было уже поздно.

С раскатистым грохотом и взрывом пламени драконы столкнулись в воздухе. Тело Сигмара пронзила мучительная боль. Превозмогая чудовищные страдания, он вцепился в тушу противника когтями и вгрызся зубами. Противник в ответ тоже нещадно полосовал когтями и рвал зубами его плоть, но серебряному было наплевать на боль.

Красный бешено извивался, стараясь высвободиться, но когти и зубы серебряного казалось вросли в него намертво. Он попытался широко расправить крылья, чтобы удержавшись на потоках восходящего воздуха, приземлиться, однако вес двух драконов оказался слишком велик для сведенных судорогой боли крыльев.

Сплетаясь в серебряно-красный огненный клубок, драконы рухнули вниз.

Очертания тел обоих драконов сжались. И теперь на камнях лежали два окровавленных, поломанных и обожженных голых мужских тела.

Если бы поисковая экспедиция, отправленная по горячим следам, не отыскала их в рекордно быстрые сроки, от полученных ран наверняка бы скончались оба.

Однако судьбе было угодно, чтобы выжил и один и другой.

Сигмар был уверен, что его изгонят навечно, однако император изгнал его всего на пятьдесят лет. И ровно на этот же срок он изгнал из королевства и своего сына. Для людей это много. Для драконов, живущих по несколько тысяч лет – довольно небольшой срок.

Император ни разу, ни словом, ни взглядом не дал понять, что верит в то, что его сын мог изнасиловать юную фаерину. Однако его действия говорили сами за себя: если бы он уже не был осведомлён о подобных наклонностях своего сына – то Сигмара ждало бы куда более суровое наказание, а Бертрана и вовсе никакого.

Сигмар понимал это, но поверить не мог. Речь шла не о ком-нибудь, а о его лучшем друге. Да, бывшем, но суть была не в этом. Разве мог он быть настолько слеп?

Оказалось, мог.

И то, что его бывший друг никогда раньше не позволял себе насиловать знатных фаерин, а ограничивался прислужгой – принесло ему не слишком большое облегчение.

Ибо Сигмара угнетало не только то, что он был другом насильника и ничего не замечал, но и то, что, как выяснилось, многие из числа прислужки считали его таким же, как и Бертран.

Поэтому все последующие годы своей жизни Сигмар посвятил тому, чтобы ни одна фаерина, к какому бы сословию она не относилась, никогда больше не усомнилась в благородстве его помыслов и трепетном отношении к женской чести.

И теперь его репутация благородного рыцаря привела к нему принцессу Артанию, с которой младший наследник познакомился, находясь в пятидесятилетнем изгнании.

И посему, насколько бы опасной не была просьба принцессы, не помочь ей Сигмар не мог. Не имел морального права.

Глава 2

Привычки младшего наследника и как проникнуть незамеченным в его покои Сигмар знал с детства. Всё, что ему оставалось это на всякий случай перестраховаться в том, что Бертрана и в самом деле нет в его покоях. В этом Сигмару помогла одна из его знакомых фаерин полусвета, которая была довольно многим ему обязана.

Развязные красотки были частыми и, причём желанными, посетительницами покоев младшего принца. Поэтому слуги, хотя и не были особо учтивы и галантны, но всё же были достаточно предупредительны, чтобы известить очередную залётную прелестницу, куда ей стоит направиться в поисках Его Высочества.

Убедившись, что путь свободен, Сигмар отправился по потайному ходу в покои своего бывшего друга. Нельзя сказать, что его не посетила мысль о том, что потайной ход вполне может оказаться либо запечатанным, либо защищенным более мощными, чем во времена его юности заклинаниями. Однако в глубине души он сомневался в этом. И оказался прав. Несмотря на то, что они теперь с Бертраном были врагами, его бывший друг не опасался того, что Сигмар, как вор, прокрадется к нему ночью и убьёт его в собственной постели. И он не ошибался. Сигмар никогда не пошёл бы на подобное. Убить в честной схватке – это одно, убить беззащитного в собственной постели – совершенно другое.

Пройдя по длинному потайному коридору, Сигмар подошёл к ведущей во внутренние покои Его Высочества двери. Дверь, как он и помнил, была из кованного железа и заперта на громадный замок-засов, который в свою очередь был заперт на исполинский навесной замок.

Сигмар пробормотал заклинание размыкания и затаил дыхание. Какое-то время ничего не происходило. Однако затем, словно бы нехотя навесной замок сам собой разомкнулся и в след за ним столь же, если не ещё более нехотя, сама собой сдвинулась кованная задвижка. Наконец, хотя и с очень недовольным скрипом открылась дверь. И молодой дракон оказался в покоях. Расположение помещений ему было хорошо знакомо. И поэтому он решительно последовал в кабинет Бертрана. В кабинете наследного принца – как, он и помнил, царил безупречный порядок. Все предметы лежали на своих местах.

Первым делом он проверил письменный стол, однако ни в одном из выдвижных ящиков искомой им шкатулки не оказалось. Расположенный за семейным портретом королевской семьи стенной сейф долго сопротивлялся заклинаниям размыкания. Лоб Сигмара даже испарина покрыла, настолько туго ему пришлось.

И всё же Сигмар переупрямил сейф и подобрал-таки к нему ключик, образно говоря. Судя по облегченному вздоху, с которым сейф сдал взломщику свое содержимое, он и сам утомился.

– Надо же какой талант во мне оказывается пропадал! – похвалил себя дракон, заметив в глубине сейфа инкрустированную рубинами и эмблемой младшего наследника шкатулку. Сигмар хотел было уже сунуть шкатулку в карман, заговоренный заранее специально для этой цели, но природная скрупулёзность и дотошность взяли верх. А вдруг в шкатулке нет того, за чем он пришёл?

Молодой дракон повозился еще несколько минут и таки проник в святые святых шкатулки.

Внутри действительно оказалась пачка писем, вскрывать и читать которые молодой дракон по причинам, понятным любому порядочному человеку, не стал. У него мелькнула было мысль извлечь письма и проверить нет ли в шкатулке чего-нибудь ещё, что возможно не стоило бы уносить с собой. И он бы обязательно последовал ей, если бы вдруг не скрипнула дверь, и он не услышал быстро приближающиеся к кабинету чьи-то шаги.

Поняв, что нужно уносить ноги, Сигмар погасил магический светлячок, сунул шкатулку в карман и поспешил к потайному входу. И вполне вероятно успел бы ретироваться так и, оставшись никем незамеченным, если бы в тот момент, когда он пробежал мимо платяного шкафа, из него прямо ему под ноги не вывалилось тело... хозяина покоев, через которого невезучий, но благородный взломщик и споткнулся.

И если бы только споткнулся...

Или если бы хотя бы тело, о которое он споткнулся было живым, то какой бы большой ж... это не было, это всё равно было бы полбеды. Но нет. Мерзавцу Бертрану, очевидно, было мало испортить жизнь бывшему лучшему другу лишь частично, и поэтому он подсутился и вывалился из шкафа... абсолютно мёртвым.

Услышавшая грохот горничная сама идти в кабинет побоялась и потому позвала стражу.

Иначе говоря, если бы, как уже было упомянуто выше, невезучий, но благородный взломщик только споткнулся, то у него были бы все шансы успеть сбежать. Однако он не только споткнулся, но ещё и потерял равновесие, вследствие которого при падении ударился виском об угол письменного стола и... потерял сознание. Вследствие чего, он не только бегать, но и даже ползать не мог.

Обнаружившим его стражникам даже в голову не пришло сомневаться в том, кто убийца младшего наследника, а посему они тут же схватили бесчувственного Сигмара, заковали в наручники и поволокли в темницу.

Когда охранники заталкивали его, только-только начавшего приходить в себя, в камеру, молодой дракон горестно размышлял о превратностях судьбы. Даже в его полной приключений и авантур жизни редко случалось так, чтобы ситуация настолько стремительно и внезапно переходила из просто неприятной в скверную, а затем в хуже уже некуда.

Однако он ошибался. Хуже, оказалось, было куда.

И в данный момент он смотрел на это хуже...

Солнце ещё не поднялось над городскими стенами, но ясное небо над головой обещало чудесный осенний день. От мысли, что он вряд ли уже увидит, каким именно будет этот день – сердце молодого дракона болезненно сжалось. Проклятье! Неужели он действительно долетался?

Чем меньшее расстояние Сигмару оставалось преодолеть до виселицы, тем больше у него дрожали колени и тем сильнее наливались свинцом его ступни. А ещё у него нещадно чесался нос. Он попытался дотянуться до носа, но слишком короткие цепи его кандалов не позволили ему это сделать.

Во дворе уже стояла телега-труповозка. Увидев её молодой дракон – оцепенел. Не таким он представлял свой последний путь.

Сигмар хотел было взглянуть на небо, чтобы последним, что он увидит в этой жизни – было небо, а не его собственная труповозка, но не успел. Несколько сильных рук грубо схватили его, подняли и поставили на ящик. Стоявший рядом палач опытной рукой накинул ему на шею петлю...

Приговоренного к смерти била дрожь. Он поднял глаза к небу, но с его зрением творилось что-то очень неладное. Вместо прозрачной синевы чистого неба, его взору предстала сплошная кроваво-красная пелена.

До его ушей вдруг донеслось чьё-то неистовое бормотание-обращение к богам. Однако прежде чем он понял, что это было его бормотание и это он молился, начальник стражи отдал приказ:

– Вздернуть его!

Сильный удар выбил из-под ног Сигмара ящик.

Сам не понимая зачем, Сигмар со свистом втянул в себя воздух – столько, сколько смог, до пожара в лёгких, до боли ребрах – и... вдруг полетел...

Кроваво-красная пелена внезапно, словно по чьему-то хлопку в ладоши, рассеялась, и над головой дракона засияла, закружилась бездонная синева неба. Ему всё-таки удалось напоследок увидеть небо! Возликовал Сигмар. Что ж теперь можно и умереть...

Вот он рывок.

Верёвка болезненно впилась в кожу, челюсть клацнула с такой силой, что заболели зубы и ещё, кажется, он прикусил язык...

И это только начало! Дальше будет хуже! – «приободрил» себя Сигмар, внутренне готовясь к треску своих ломающихся позвонков и собственному удушью.

Однако он ошибся. На сей раз, правда, к счастью. Впрочем, наученный горьким опытом последних нескольких дней, молодой человек не спешил с выводами.

Вслед за первым рывком, последовал второй... Вслед за которым его босые ступни, а затем локти, пятая точка и даже затылок больно и резко врезались в твёрдую землю. Удар был такой силы, что даже тяжелые железные кандалы протестующе звякнули

– Пакуйте его в мешок и грузите на телегу! – скомандовал рядом с ним голос деда.

Сигмару бы обрадоваться, но ничего кроме злости и обиды он не чувствовал. И хотя с одной стороны, он понимал желание старого дракона проучить своего беспокойного внука. Более того, он и сам бы себе с удовольствием надавал тумачков и наставил памятных шишек, дабы навсегда отбить у себя охоту лезть туда, где его наверняка ждут неприятности. И всё же с другой стороны – Сигмар считал поступок своего деда слишком жестоким.

Его не загрузили, а швырнули на телегу. И повезли. Причём везли так, словно он и в самом деле был трупом.

Лежать в мешке, чем дальше, тем было всё менее и менее терпимо. Руки и ноги затекли, голова трещала, к горлу то и дело подкатывала тошнота – сказывалась контузия, полученная в результате столкновения с углом письменного стола.

«Неужели сложно было хотя бы соломки подстелить?!» – всё более и более злился Сигмар. Точнее уже не Сигмар, а отбивная из него – настолько хорошо над ним поработала команда из многочисленных колдобин и жёстких досок.

В конце концов, провидение всё же сжалилось над сначала повешенным, затем уроненным, после чего ещё и подвергшимся жестокому и извращённому избиению драконом и он потерял сознание...

Очнулся Сигмар от того, что его в очередной раз куда-то швырнули. Он прекрасно знал, что правильной тактикой было бы продолжать притворяться бессознательным. В этом случае он мог застать врагов врасплох, наброситься на них, раскидать и удрать. Однако боль, одолевшая его измученное тело, была столь велика, что ему элементарно не хватило силы воли, и он... застонал.

– Достань моего внука из мешка! – тут же кому-то приказал его дед.

– А почему я?! – визгливо откликнулся этот кто-то. – Почему мне всегда поручают самую опасную работу?

– Потому что, лорд-констебль, ты – ниже нас статусом, – прошелестел, словно ветер из преисподней, голос лучшего друга его деда герцога Грейтстоундерджского, лорда-канцлера Великой Логиртании.

– И потому что, Форкет, казнить моего внука, а значит и доставить его сюда в мешке, было твоей светлой идеей! – добавил дед.

– Да идея была моя, но решение было НАШИМ! Вы оба согласились с тем, что в интересах следствия необходимо действовать именно так, а не иначе! – продолжал отпираться от предложенной ему сомнительной чести лорд-констебль Форкет.

Сигмар пребывал в растерянности, грозившей перейти в ступор. И то и другое, впрочем, в последнее время, кажется, становились его естественным состоянием.

Пожалуй, решил он, пришло время изменить стиль поведения. Долой смиренность и апатию! Да здравствуют решительность, доблесть и героизм!

Сказано. Сделано. И доблестный дракон сделал над собой героическое усилие – решительно напряг закованные в кандалы занемевшие и сведенные судорогой мышцы. И... ему даже удалось шевельнуть указательным пальцем на правой руке и конвульсивно дёрнуть правой ногой. Но, если вы думаете, что на этом он и сдался, вы не знаете Сигмара делло Бранд. Драконы не сдаются!

– Делай, что тебе сказали, Форкет, или я тебя сейчас испепелю, жалкий ты трус! – под звон кандалов грозно... пропищал молодой, но очень решительный и доблестный дракон.

– И, правда, Форкет, не заставляй нас ждать! А то премии лишу! А если поторопишься, то кто знает, может ещё и сверху награжу! – пожурил своего подчиненного, понукая к действию, лорд-канцлер.

К слову, вдохновленный звоном антимагических кандалов лорд-констебль уже и так собирался приступить к развязыванию мешка. Но кто же отказывается от дополнительной награды? И потому Форкет поспешил заверить патрона в своих добросовестности и прилежании.

– Кто заставляет вас ждать?! Я-ааа?! Тут просто узел мудреный. Вот я и взял паузу подумать... – изрёк он, почесывая затылок.

И... проверенное средство активизации мыслительного процесса – не подвело. Пара минут и узел на мешке был развязан.

Первое, что понял Сигмар – это то, что ему в глаза бьёт слишком яркий свет – ярче даже, чем наутро после попойки. Он зажмурился, выставил вперед руки и раздраженно потребовал.

– Теперь кандалы!

– А кандалы, фаер делло Бранд, мы снимем только после того, как вы поставите свою подпись под условиями вашего условно-досрочного освобождения, – вкрадчиво сообщил лорд-канцлер.

– Не понял! – недоуменно-зло воззрился Сигмар на своего деда.

И он действительно не понял. Какое, к некросам, ещё условно-досрочное освобождение?! Дед что, мало за его счёт потешился?!

– Зря вы, молодой человек, так по недоброму коситесь на своего деда. Мой друг Адмар сделал для вашего спасения всё что мог. Но улики против вас были таковы, что безутешный в своем горе император – даже слышать не захотел о том, что вы, можете оказаться, невиновным. Однако вы оказались везучим сукиным сыном...

– Да что вы говорите! – саркастически фыркнул Сигмар, покосившись на тяжелые кандалы, сковывающие его израненные и растёртые в кровь руки и ноги. – Даже странно, как мне самому это в голову не пришло?! – хмыкнул пленник, нарочито зазвенев железными цепями. – Не каждому ведь аж так везет!

– Нет, не каждому, – на полном серьёзе заметил лорд-канцлер. – Во-первых, не каждому повезло родиться герцогом. Более того, не каждому приговорённому к повешению герцогу повезло получить, пусть не помилование, но всё же шанс выжить...

– Шанс выжить? – оторопело переспросил молодой дракон, переводя взгляд с лорда-канцлера на своего деда. – Хммм... Кажется, я снова поторопился с выводами... – попытался он почесать затылок. Однако смог лишь звякнуть цепями и скривиться от боли в саднящем запястье. – Потому что пару минут назад, я хоть что-то ещё понимал, а теперь...

– Сиг, – с тяжелым вздохом вмешался в разговор внука с лордом-канцлером старый дракон, – ты получишь окончательное и полное помилование только в том случае, если женишься на Кае делла Марте Некрос Мориар, Владычице Сумеречной пустоши...

– А что с ней не так? – искренне удивился Сигмар. – Я ни разу не видел её, но слышал, что эта фаерина весьма и весьма недурна собой! А если к этому добавить ещё и то, что Мори-

ары несметно богаты, то... Или... Вот только не говорите мне, что все эти слухи о том, что наследница рода Некрос Мориар то ли проклята, то ли убивает своих женихов – правда?

Сигмару никто ничего не ответил, но лица присутствующих были достаточно красноречивы, чтобы поинтересоваться. – Сколько? Какой я смертник по счету?

Лорд-канцлер воспринял вопрос буквально и выдал правдивый и точный ответ.

– Первый.

– Первый?! А как же?.. – удивленно переспросил Сигмар, чувствуя при этом, как гора вдруг свалилась с его плеч. Однако прежде чем он успел выдохнуть с облегчением, заговорил его дед.

– Ты первый смертник, потому что до тебя были добровольцы, которые закончились, – объяснил старый дракон. – А вот женихом ты будешь уже пятым...

– Или пока пятым, – «оптимистично» заметил лорд-констебль.

– И это называется, мне повезло?! – с тяжелым вздохом иронично заметил молодой дракон. – А впрочем, чему я удивляюсь?! С моим везением в последнее время, по-другому повезти мне просто не могло! И потому интересуюсь, а какие гарантии того, что меня не казнят, после того, как я каким-то образом выживу и таки женюсь на этой смертоносной фаерине?

– Самые что ни на есть незыблемые и непоколебимые гарантии! Потому что, ЕСЛИ, Сигмар, ты женишься на Владычице Сумеречной пустоши, – хмыкнул лорд-канцлер. – Ты тем самым продлишь ещё на пятьсот лет союзнический договор между Великой Логиртанией и Сумеречными землями. И, как следствие, вернёшь покой и сон нашему императору. Да и нам всем тоже.

– Не только нам, а вообще всем жителям Великой Логиртании! – пафосно добавил лорд-констебль.

– Вернуть покой и сон всем жителям Великой Логиртании?! – присвистнул Сигмар и иронично усмехнулся. – Благодарю за доверие! Но гораздо больше, чем ваше доверие мне сейчас пригодился бы ваш здравый смысл! Вы вообще с головой дружите?! О каких шансах на выживание вы говорите?! Как можно жениться на могущественной некромантке, которая не хочет продления союза с Великой Логиртанией настолько категорически, что явно и открыто умертвляет одного за другим претендентов на её руку и сердце?! Я, конечно, хорош собой и вообще дракон хоть куда, но, дело в том, что Кая ведь не обычная, юная и впечатлительная фаерина, а наследница рода Некрос Мориар! Я, кстати, не удивлюсь, узнав, что умертвляя и превращая присланных ей женихов в преданных ей зомби – это чокнутая некромантка думает, что одаривает их вечной жизнью!

– Ну, во-первых, в зомби Кая своих женихов не превращает и переданные ею в тайную канцелярию три тела тому свидетельство. Тело второго по счёту жениха, правда, всё ещё ищут. Однако статистика, на мой взгляд, всё же твою теорию не подтверждает, – спокойно и обстоятельно возразил лорд-канцлер. – Во-вторых, насчёт «явно и открыто» ты, Сиг очень ошибаешься. Согласно союзнического договора, скрепленного для надежности двухсторонней магической клятвой, Владычица обязана оказывать претендентам на её руку полное и абсолютное гостеприимство в течение всего периода их пребывания в её замке. Иначе говоря, если Кае дорог её дар, а он ей, разумеется, дорог, то убивать своих женихов она себе позволить не может.

– Обязана оказывать гостеприимство претендентам на её руку? А замуж выйти она тоже обязана? И если обязана, то кто её обязывает? Этот же союзнический договор? На кой некрос, интересно, её предкам понадобилось заключать такой странный договор с Великой Логиртанией?! – размышлял вслух Сигмар, ловя себя на том, что, кажется, он начинает проникаться сочувствием к «чокнутой некромантке».

– Нет, – покачал головой лорд-канцлер. – Союзнический договор предусматривает только то, что Великая Логиртания может предлагать в мужья Владычице исключительно самых высококордных своих сыновей. Выйти же замуж Владычицу вроде как обязывает Хранитель Суме-

речной Пустоши, который опять же, вроде как, и выбирает ей мужа. Однако как там на самом деле никто в Великой Логиртании не знает, да и до сих пор, насколько я понимаю, это особо никого не интересовало, – задумчиво и одновременно удивленно проговорил опытный и старый политик.

– И как же интересно Хранитель Сумеречной Пустоши выбирает Владычице мужа? Спускает на них сумеречных гончих и если претендент на руку и сердце Владычицы не сумел от них сбежать, то сам виноват и так ему и надо?! – истерически хохотнул молодой дракон. Он хотя и начал проникаться сочувствием к Владычице, всё же его гораздо больше интересовала сохранность собственной шкуры, чем причины, вынуждающие могущественную некромантку сочетаться браком конкретно и именно с поданными Великой Логиртании.

– Всё может быть, – вздохнул лорд-канцлер.

– Всё может быть?! – ошалело переспросил Сигмар. – Всё может быть?! А-ааа... Вы шутите?!

– Нет, Сиг, Альдеяр не шутит, – тяжело вздохнул старый дракон. – Сиг, неужели ты настолько наивен? Неужели ты не понимаешь, что император никогда бы не согласился помиловать убийцу своего сына?!

– Да не убивал я его сына! НЕ У-БИ- ВАЛ!!! Неужели неясно?!

– Мне и твоему деду ясно. Ну или почти ясно. Ему тоже, – лорд-канцлер указал кивком головы в сторону Форкета. – Однако, что касается императора... Учитывая вашу историю с Бертраном...

– Император не сомневается в моей виновности! И будь на то его воля, висеть бы мне уже давно и надёжно на первом попавшемся ему под руку суку! – закивав головой, как болванчик, мрачно констатировал молодой дракон. – Ясно... – вздохнул он. – Куда уж ясней. И теперь, когда я это признал, я по идее должен выразить вам троим благодарность за спасение моей жизни?! Я прав, дедушка? Ты ведь ждёшь от меня благодарности за то, что в очередной раз спас меня? Меня, своего непутёвого внука, которого нужно было очень жестоко проучить! Так жестоко, чтобы он в штаны от ужаса наложил!!!

– Сиг, не говори глупостей, драконы от ужаса не обделываются?! – презрительно фыркнул дед. – А насчет того, что я решил тебя проучить... Хотя ты и заслуживал этого, однако придать твоей казни реализма было всего лишь следственной необходимостью...

– Ага, так я тебе и поверил! – закатив глаза, недоверчиво хмыкнул Сигмар и забурчал себе под нос. – Всего лишь! Ага! Кому-то всего лишь, а кому-то...

– Так верить и не надо, достаточно головой подумать, – усмехнулся лорд-канцлер. – Ты ведь умный мальчик, Сигмар? Поэтому скажи мне, а как иначе ещё нам удалось бы убедить настоящих убийц младшего наследника, что они вне опасности и поэтому могут расслабиться и ослабить бдительность. Так что, – цокнул языком старый интриган и пожал плечами, – как ни странно это прозвучит, но через полный процесс повешенья тебе пришлось пройти именно потому, что я и твой дед верим в твою невиновность.

– Ну и как оно? – насмешливо поинтересовался старый дракон, заметив, что его внук виновато потупился.

– Что оно? – мрачно поинтересовался молодой дракон, звякнув цепями. – Как оно быть повешенным?

– Нет, чувствовать себя мало того, что неблагодарным, но ещё и глупцом? – попытался урезонить дед внука.

– Дед, отстань, а-аа?! Мне и так тошно! И не только в переносном смысле! Поэтому давайте, лорд-канцлер, что там надо подписать. И я подпишу! Честно говоря, сейчас я чувствую себя так, что за горячую ванну и возможность смочить горло парой глотков хорошего виски я готов и жизнь отдать и душу продать!

Глава 3

Окруженное стеной мрачных и неприступных Стылых Скал, соседствующее с Сумеречной Пустошью Полуночное Королевство расположено особняком.

Неповторимое, таинственное и зловещее... Породившее о себе бесчисленное множество пугающих легенд и страшных сказок, утверждающих, что много, очень много ужасов и злодеяний видели эти Стылые Скалы.

Справедливости ради, стоит отметить, что далеко не все из этих жутких повествований были таким уж вымыслом.

Цитадель власти королей Полуночного Королевства, защищенный Стылыми Скалами Замок Черного Аспида возвышался над остальным королевством надменной, внушающей благоговение и ужас громадой черного обсидиана.

Короли за стенами этого замка настолько часто и столь давно сменяли других королей, что никто уже не помнил, сколько временных хозяев было у замка и насколько древни были его постройки. И всё же стены замка были столь же несокрушимы и неуязвимы, как и много веков, а возможно и тысячелетий назад. Вот только это, как уже было упомянуто выше, отнюдь не продлевало жизнь властителей замка, а скорее укорачивало.

Вот и опять и снова очередной монарх Полуночного Королевства был мёртв. И опять и снова пустовал трон...

В Полуночном Королевстве давно уже повелось, что на троне оказывался не законный наследник, а тот, которого поддерживали большинство придворных и высших армейских чинов. Что же касалось неугодных придворным и генералам законных наследников, то они либо отрекались от престола, либо следовали вслед за усопшим венценосным предком...

Само собой разумеется, что поддерживали придворные либо того наследника, который, они точно знали, позволил бы им вместо себя править, либо того, чьё правление было бы им выгодно с точки зрения как роста их благосостояния, так и получения будущих привилегий.

Принц крови Арнвингте был весьма популярен среди стражников и воинов благодаря его не раз подтвержденной воинской доблести. Однако именно его старший брат Бьярне пользовался наибольшей поддержкой придворных.

Арнвингте мог бы ввести военное положение и заточить в темницу всех придворных, но понимал, что прежде чем он упрячет всех придворных за решётку, сам он будет уже мёртв. Потому что от кинжала он может быть и защищён, а вот от колдовства и яда надёжной защиты нет.

И посему выбор у него был только один, он должен был разжиться деньгами. А ещё лучше дополнительной территорией.

Прилежащие к королевству с юго-восточной стороны земли Сумеречной Пустоши стали бы идеальным авансовым подношением придворным... Потому как все они знали, что заполучи он власть над Сумеречной Пустошью, ему не составит труда заполучить... Точнее завоевать и подчинить своей воле Великую Логиртанию!

Вот только с получением Сумеречной Пустоши пока были проблемы.

Если бы не заморочки Хранителя Сумеречной Пустоши, то, и Арнвингте в этом не сомневался, он без всяких проблем мог бы жениться на Кае...

Принц скосил глаза, чтобы посмотреться в большое, высотой в человеческий рост, зеркало. Озабоченное выражение лица его тут же разгладилось, и на губах заиграла самодовольная улыбка. Молодому человеку доставляло удовольствие убеждаться вновь и вновь в том, что он необыкновенно хорош собой. Не потому, что Арнвингте сомневался в себе, а просто потому, что ему было приятно на себя смотреть. Ведь он такой неотразимый красавец! Его Высочество одобрительно кивнул своему отражению, и оно ответило ему тем же.

Арнвингте был высок и весьма мускулист. Однако развитая мускулатура, отнюдь, не умаляла его изящества. У него были тонкие черты лица и опущенные длинными черными ресницами ясные голубые глаза. Его Высочество носил одежду, сшитую по последней моде Великой Логиртании, и легко мог заткнуть за пояс любого столичного щеголя. На бедре Арнвингте носил фамильную шпагу, золотые ножны и рукоять которой украшали драгоценные камни. Причём шпагу он носил не ради украшения. Он в любой момент с лёгкостью и удовольствием готов был пустить её в ход. Этот наследник почившего монарха славился как лучший фехтовальщик не только в Полуночном Королевстве, но и на целом континенте.

«Где же эта непочтительная сволочь?» – мысленно негодовал Его Высочество. Арнвингте терпеть не мог ждать. В королевстве все знали об этом и никто, кроме Молрика, не осмеливался заставлять его ждать. Принц нетерпеливо переступил с ноги на ногу, сжал руки в кулаки и засопел. Ух, как же ему хотелось проучить мерзавца за неучтивость! Так хотелось, что руки чесались. Однако придворный маг был самым могущественным из его сторонников, и только он один мог противостоять колдовским чарам не только Каи, но и, хотя и не в полной мере, чарам Хозяина Сумеречной Пустоши...

Ещё меньше Его Высочество любил быть от кого-то зависимым... Но из них двоих именно он зависел от милости мага. Арнвингте так до сих и не понял, почему Молрик выбрал именно его, чтобы поддержать в гонке наследников за королевский трон. И поэтому всё время ждал подвоха.

– Вы хотели видеть меня, Ваше Высочество? – прошелестел вдруг у Арнвингте над ухом потусторонний голос.

Звучание этого голоса было столь жутким, что принцу понадобилась вся его выдержка, дабы не подскочить на месте, как ужаленному. Причём ужаленному в самое интимное и ценное место.

Ещё больше чем ждать и быть зависимым, он ненавидел вот эту манеру Молрика возникать так, чтобы застать его врасплох.

– Ты ведь знаешь, что звал! – не сумев сдержаться, высказал всё же своё недовольство принц. – Зачем спрашиваешь?

– Уточняю у Вашей полуночной милости, а вдруг вы передумали? – Молрик откровенно ёрничал и даже не пытался скрыть этого.

Принц посчитал ниже своего достоинства уверять насмехающегося над ним мага, что нет, он не передумал его видеть. И посему сразу перешёл к делу.

– Я только что получил магического вестника с пограничной заставы...

– Я знаю, – пренебрежительно отмахнувшись, грубо перебил принца маг.

Этот очередной знак очевидного неуважения к его в будущем венценосной персоне так взбесил принца, что ему пришлось себе напомнить о том, что Молрик – не просто один из могущественнейших магов континента, но и как многие утверждают, не совсем от мира сего.

– И-иии?... – сдерживая даже не раздражение, а ярость, холодно поинтересовался Арнвингте.

– У меня всё под контролем, – пожав плечами, апатично-беззаботно изрёк маг. – Повелевайте мой господин! – покровительственно разрешил он.

– Если у тебя всё под контролем, – прошипел взбешенный принц. – То почему же тогда этот очередной жених всё ещё направляется в сторону Сумеречного замка?!

– Потому что они ещё не пересекли границы Сумеречной Пустоши! В связи с чем, на мой взгляд, вмешиваться в естественный ход событий несколько преждевременно! – невозмутимо-покровительственно парировал маг. – Вы ведь насколько я понимаю, хотите, чтобы все считали, что от женихов избавляется либо Кая, потому что не хочет замуж, либо Хозяин Сумеречной Пустоши?

– Ты – старый тупица! Извративший смысл моих слов! Ничего подобного я не хочу! – взъярился принц. – Точнее, я не хочу, чтобы на Каю пало подозрение! Вполне достаточно, чтобы её считали проклятой! Разницу улавливаешь?! Разница в том, что если она проклята, то смертельно напугать или прикончить очередного жениха ни разу не преждевременно, где бы он не находился!!! Понял?!

Маг снисходительно, словно разговаривал с маленьким капризным мальчиком, заверил:

– Как скажите, Ваше Высочество, так и сделаю!

– Да, я сказал. И очень надеюсь, что в этот раз ты меня правильно понял! – мрачно, слогораздельно и угрожающе отчеканил принц.

Глава 4

Невзирая на жуткую грозу и нескончаемый проливной дождь Сигмар и его спутники всю ночь без устали гнали своих коней вперед. Впрочем, другого выбора у них всё равно не было. Кругом простирались болота да пустошь, и укрыться им всё равно было негде.

Дождь лил уже так долго, что молодого дракона на полном серьёзе заинтересовал вопрос, а не является ли этот бесконечный, безостановочный ливень ещё одной местной особенностью, наряду с пустынными болотами и трясиными?

Однако едва забрезжил рассвет, как дождь его удивил – взял и закончился. И местность удивила тоже. Пустынную болотистую местность вдруг сменил густой лес. По крайней мере, он казался густым на том расстоянии, на котором от него в данный момент находились усталые путники.

Вздохнув так, словно это не лошадь его везла, а он нёс её всю дорогу на своих плечах, Сигмар сполз на землю.

Лошадь и так не особо жаловала своего всем недовольного всадника, теперь же она ещё и жестоко оскорбилась и прониклась глубочайшим презрением к ворчливому двуногому.

Сигмар же был в слишком дурном расположении духа, чтобы уважать вообще чьи бы то ни было чувства. Тем более, чувства какой-то злобной и вздорной скотины, невзлюбившей его с первого взгляда!

Мало того, что ему запретили пользоваться своим именем, так ему, дракону, ещё и летать запретили! Дед, правда, пытался его успокоить, что это временная мера. Однако наученный горьким опытом Сигмар успокаиваться не спешил. Слишком хорошо он знал, насколько растяжимым может быть понятие «временности». Особенно применительно к его злосчастной судьбе. Из-за которой, собственно, и тащился он теперь, как какой-то обычный смертный, верхом на дохлой кляче...

– Фыррр! Фыррр! Иииии-го-го! – словно бы прочитав его мысли, не осталась в долгу и, очевидно, укрыла его ответным презрительно-уничтожительным эпитетом на своём лошадином «дохлая кляча».

Сигмар посчитал ниже своего достоинства ввязываться в препирательства с собственным транспортным средством и потому проигнорировал язвительное фыркание и ехидное ржание не просто с гордым, но надменным видом.

И именно с этим видом он и обратился к своим спутникам.

– Как насчёт привала?

Вопрос был риторический. И если его спутники не хотели связываться с очень злым, очень голодным, очень усталым и к тому же до костей продрогшим драконом, то лучше бы им было сразу это понять.

К их счастью, и дед и верный дворецкий Сигмара оказались понятливыми. Так что кровопролития и сломанных носов удалось избежать. Потому что, если бы оба тут же согласно не закивали, он точно бы зарядил кому-нибудь из них в нос. Настолько точно, что его даже не волновали такие мелочи, как то, что оба его спутника всё ещё были верхом, а он уже спешил. Ради такого дела, еле волочащий ноги Сигмар даже подпрыгнул бы!

– Очень хорошая идея! – добродушно возвестил старый дракон, которого судя по его усталому виду, не меньше чем внука утомила длительная скачка. – Колин, ты стреножишь коней, я отвечаю за костёр и похлёбку, а ты, внук – за сбор хвороста, – как только перевёл дух, распределил он походные обязанности.

Порученное ему дело Сигмару понравилось уже тем, что позволяло не только размять ноги и немного согреться, но и, наконец-то, оказаться наедине с собой.

Не то чтобы Сигмару было о чём подумать. Всё давно уже было передумано и решено. Причем передумано и решено не им самим, а за него. Просто чем дальше, тем больше, он – душа любой компании, весельчак и балагур становился всё более и более нелюдимым.

И, возможно, именно потому, что его одолевали самые безрадостные мысли он и принял оказавшуюся прямо перед ним поросшую кустарником возвышенность за могильник.

– Какой же это могильник?! – сам у себя спросил Сигмар, рассматривая ничем не отличавшийся от десятка подобных ему сотоварищей холм. Дабы убедиться в том, что он прав, молодой дракон окинул острым, всё подмечающим взглядом окрестности.

Эта возвышенность действительно внешне ничем не отличалась от других возвышенностей. И всё же именно этот холм беспокоил его. Он готов был поклясться, что только от этого холма веет чем-то необъяснимо зловещим и жутко, до дрожи в коленках и вздыбленных на затылке волос, пугающим.

Остановившись у подножия холма, Сигмар поёжился и плотнее закутался в дорожный плащ. Однако ни спокойнее, ни теплее ему не стало. Наоборот, стало ещё холоднее и ещё более неуютно на душе. Сильный, холодный и колючий ветер задул ему вдруг прямо в лицо. Только что ярко светившее солнце померкло. Молодой дракон поднял голову к небу. Ещё несколько секунд назад почти по-летнему голубое, чистое и приветливое оно было неприветливо хмурым, мглистым и по-зимнему серым.

– Что за демонщина? – пробормотал Сигмар. – Пару минут назад на небе не было ни единого облачка. Это не может быть гроза... Гроза так быстро не собирается! Это что-то противоестественное!

Не успел он об этом подумать, как озарившая полнеба, похожая на горящее дерево монструозная молния ударила в самый центр холма. Прогремевший сразу же вслед за ней чудовищной силы раскат грома в буквальном смысле выбил почву из под его ног. И всё же он не упал, но только потому что его поддержал Колин, который закончив стреножить коней, тоже решил отправиться за хворостом.

– Мы должны немедленно найти деда! – прокричал Сигмар другу и, не дожидаясь ответа, развернулся, чтобы направиться к месту привала.

– Си-иииг! – донёсся до него сквозь завывания ветра голос старого дракона. – Си-иииг!

– Я зде-эээсь! – откликнулся на призыв деда внук.

Стремительно темнело. День умирал, так и не успев толком родиться.

Следующее прилетевшее с мрачных глубин тьмы монструозное огненное дерево уже ударило в землю не более чем в дюжине шагов от Сигмара. Там, куда попала молния, сначала огненной змеей, а затем и сплошным ковром заполыхала трава.

Где-то совсем рядом прогремел очередной разрывающий барабанные перепонки раскат грома. На сей раз земля под ногами мужчин задрожала так, что они уже не устояли на ногах. Упав навзничь, Сигмар, естественно, (а как же иначе с его-то невероятной удачей?) приземлился мягким местом прямоком в довольно глубокую лужу.

«Нет, даже не лужу, а скорее болотце! – тут же мысленно поправил себя Сигмар и выругался. – Твою ж земную твердь! Повезло же мне иметь такую находчивую задницу! Вокруг полно луж, но она сумела таки найти не только самую глубокую и мутную, но и самую отвратно смердящую!»

Неизвестно сколько бы ещё он продолжал негодовать, если бы он вдруг не поднял голову и, соответственно, глаза и оказался лицом к лицу... с изрыгающими фиолетово-белое пламя чёрными небесами.

Никогда ещё молодой дракон не видел ничего более прекрасного...

Э-ээх, если бы так не трясло и огненные стрелы не падали с каждым разом всё ближе и ближе, он бы наслаждался и наслаждался. Но ему, как и обычно, не везло. И потому было не до наслаждений. Ноги бы, руки и голову целыми унести.

– Хотя точнее будет сказать, уползти... И знать бы ещё, куда мне с ними ползти?! – перекатившись на живот, вслух озадачился, изучая раскинувшийся перед ним ландшафт рожденный летать, но вынужденный ползать дракон.

Сигмар всё ещё размышлял, куда ему лучше ползти, когда вдруг увидел, что очередное изрыгнутое небесами огненное дерево летит практически прямо в него. Само собой разумеется, дабы лицо не пострадало от жара или искр, другого выбора, кроме как нырнуть с головой в болотце – у него не было.

«Как только найду деда, потребуу снять с меня демонов браслет» – мысленно пообещал он себе, брезгливо сплевывая грязную воду и протирая от болотной жижи глаза.

Молодой дракон уже ненавидел это утро всей душой. Однако то ли утру-садюге на это было наплевать с высокой горки, то ли, начав мучить и изводить, оно уже просто не могло остановиться... Но буквально в следующее мгновение над головой самого утонченно-куртуазного, великосветски-благовоспитанного и неотразимо-привлекательного герцога Великой Логиртании раздался насмешливый девичий голос.

– В конкурсе самых элегантных и обольстительных вы, конечно, не победили бы, но утешительный приз «за самое оригинальное приветствие своей суженой» я бы вам, так и быть, вручила бы!

Свою, так сказать, суженную Сигмар ни разу не видел и голоса её тоже не знал. Однако он не сомневался. Не с его везением! На него чумазого и барахтающегося в грязи и болотной тине сверху вниз в данный момент смотрела и морщила свой хорошенький носик никто иной, а Кая делла Марте Некрос Мориар...

Сигмар хотел, очень хотел на данную остроту своей «суженой» ответить чем-нибудь ещё более остроумным и едким, но рыцарство слишком основательно засело у него в крови. И потому пекущийся о жизни насмешливой фаерины он не терпящим возражений тоном заорал во всю мощь своих лёгких:

– Не будьте идиоткой, ложитесь рядом!

– Что прям так сразу? Ни тебе цветов, ни ухаживаний, ни признаний под луной! Ничего себе! Ну просто ни дать, ни взять на-сто-я-щий жених дела! – зажимая пальчиками носик, насмешливо прокомментировала Кая. – Благодарю, конечно, за столь галантное предложение, но я пас!

– Ннно...

Начал было возражать Сигмар, и тут заметил, что... спастись ни от грозы, ни от небесного огня больше не нужно.

И ещё заметил... что за спиной его, так называемой, суженой стоял и плотоядно ухмылялся... ПАУК! Точнее не паук, а ПАУЧИЩЕ! Громадный! Размерами с невзлюбившую его зловредную скотину, которая привезла его сюда! Если, конечно, паучище не покрупнее ещё будет! В предвкушении пиршества монстр уже даже потирал руки, точнее лапы, которые даже лишенные острых когтей выглядели устрашающими. А челюсти! Просто жуть! А глазища! Целых восемь штук!

И при всём при этом монстр был не один! Рядом с ним стояли ещё два таких же! Или, возможно чуть поменьше. Вот только это «чуть поменьше» нисколько не успокаивало.

«Так вот оказывается, куда исчезают женихи?! Они идут на корм вот этим! – пронеслось в мыслях молодого дракона. – Значит, это всё она!!! Я так и знал! Я чувствовал! Сначала попыталась поразить меня небесным огнём, но не смогла. Потому что мазила! И поэтому теперь пытается скормить меня своим ужасным домашним питомцам! Подлая и жестокая некромантка!» – размышлял объятый паническим ужасом жених, ничуть не смущенный тем, что в процессе его размышлений логическая цепочка событий начала хромать. Точнее он просто не успел смутиться. Не менее находчивый, чем задница, ум Сигмара мгновенно нашёл объяснение тому,

почему, прежде чем скормить паукам, его пытались поджарить. Просто потому, что питомцы подлой и жестокой некромантки – не любят сырых женихов! Им, видите ли, жареных подавай!

Раскусивший коварный план своей суженой дракон понимал, что ему особо нечего противопоставить трём монструозного размера паукам, но просто сдаться без боя... Нет! Подобное не в характере таких гордых и отважных, как он!

Посему настолько, насколько у него хватило сил, Сигмар активно заработал руками и ногами, пытаясь вскочить на ноги, дабы... бежать... Бежать куда глаза глядят!

И он обязательно убежал бы. Не просто убежал бы, удрал, улепётал, дал бы такого стрекоча, что только его и видели... Если бы выбирая лужу, он думал головой, а не действовал задницей.

Но...

И именно потому, что вот это «но» и кувыркался он теперь в скользкой и отвратной жиже, по макушку в болотной рясе и ещё неизвестно в чём, радуя свою коварную и кровожадную суженую такими замысловатыми пируэтами, кренделями и кульбитами, на которые ещё несколько минут, даже и не знал, что вообще способен.

– Э-эээ, Кая, а что он делает? – озадачился паучище.

– Да, Кая, что это он делает? – поддакнул второй паучище.

– Ннаско-ооолько-ооо я-аааа пааони-ииимаю-ууу, на-ааас бо-ои-и-ииииится и пппо-этому-уу пыта-ааается сбежа-аааать, – с трудом выговорила заливающаяся смехом девушка. – Ннно не убежи-ииит ведь?

– Нет! – радостно подтвердили два пауко-жеребёнка. – Этот от нас не убежит!

И только папа-паук горестно вздохнул и с сомнением в голосе изрёк.

– Мне бы ваш оптимизм, дети! Потому как мой горький опыт показывает, что эти женихи, – в очередной раз тяжело вздохнул паучище, – уж слишком хорошо бегают! Так хорошо бегают, что за ними просто не уследишь. А ты, Кая, ещё и не разрешаешь нам их ни связывать, ни даже привязывать, – укоризненно заметил паучище. – А потом удивляешься, почему это они мрут как мухи, попавшие нам в сеть?!

– Начиная с этого, – всё ещё посмеиваясь, кивнула на Сигмара девушка. – Разрешаю!

Услышав это разрешение, молодой дракон понял, что он не просто попал, а крупно попал! Потому как его не просто умертвят, а сначала вдоволь поиздеваются и только потом умертвят. И хорошо если сразу умертвят, а если будут откусывать по кусочку от него ещё живого...

И он ещё считал, что после того, что он прочувствовал утром перед тем как его «повесили», ему уже ничего не страшно! Как же он ошибался...

Глава 5

За несколько часов до описываемых в предыдущей главе событий.

Наследница рода Мориаров, Владычица сумеречной пустоши и закатных скал фаерина Кая делла Марте Некрос Мориар всегда ложилась очень поздно и потому не имела ни привычки, ни тем более желания пробуждаться ни свет, ни заря. Однако настойчивое щёлканье над ухом, щекотка и непрестанные тычки в плечо и спину всё-таки вынудили её и своим привычкам изменить и желаниями своими пренебречь.

Проснувшись, Кая села в кровати и тупо уставилась в пространство перед собой всё ещё затуманенным от сна взглядом. Тяжелая копна её черных как смоль волос рассыпалась по спине и груди. Она проспала всего час или два. В голове звенело.

– Не спальня, а проходной двор! – проворчала девушка. – Кто хочет – приходит! Причём приходит, когда хочет! Ох дождётесь вы у меня! Возьму и превращу всех в зомби! Вот благодать то будет! Наконец-то ко мне в этом замке все будут относиться как к хозяйке, а не как к... – Кая на мгновение задумалась и после небольшой паузы добавила, – приبلудной приживалке! Ну что ещё у вас стряслось?!

– Хозяйка, но ты же сама просила сообщить тебе новости о новом женихе, как только таковые появятся, – обиженно заметила паучиха Аах, служившая у Каи горничной. – Вот Моту с папой и попросили меня разбудить тебя! Так что я не сама! Это я к тому, что я не потому что сама захотела, а потому что мне пришл...

– Моту?! – переспросила Кая, в прямом смысле подпрыгнув на кровати. Сон как рукой сняло. – Аах, что сказала Моту?

– Что ей пришло предписание о сверхурочных душах, которых она должна забрать как раз на границе Сумеречной Пустоши...

– Спасибо Аах, – кивнула Кая. – Где, кстати, Моту? Всё остальное я у неё уточню?

– Она сказала, что будет ждать тебя на месте. Сама понимаешь, у неё приказ. Поэтому поспеши, потому что если не успеешь, то у Моту не будет другого выбора, кроме как...

– Постараюсь успеть! – кивнула Кая, которая уже не только покинула постель, но и лихо-радожно натягивала на себя одежду.

Моту была местным шерифом Загробного Мира, и поэтому в её обязанности входило – брать под стражу и передавать души загробному судебному органу. Несмотря на род занятий, Моту была довольно приятной старушенцией, по крайней мере, Кая находила местную представительницу Смерти именно такой.

Иначе говоря, шериф Загробного Мира и Хозяйка Сумрачного Замка приятельствовали. Однако, справедливости ради, нужно заметить, что предупредила Моту Каю не только потому, что они приятельствовали, но и потому что данное предписание на доставку и передачу душ – было сверхурочным. То есть, сверхплановым.

А Моту, будучи смертью рассудительной, рачительной и предусмотрительной, перевыполнять план не любила. Так как понимала, что перевыполнение плана в этом месяце означает, как минимум, больше работы, а, как максимум, и невыполнение плана в следующем!

Безостановочно широко зевая, Кая бросила мимолётный взгляд в зеркало. Под глазами черные круги. Бледная как смерть.

– Да уж, я порой краше из гроба поднимала! – самокритично заметила девушка и усмехнулась, подумав, что ещё неизвестно, кого её новый жених больше испугается её или того, кто будет пытаться его убить.

– Эй внуча, ты куда это собралась? – возник перед ней призрак пра-пра-прадеда

– Выполнять долг гостеприимности, чтоб его! – ворчливо сообщила внуча, пытаясь натянуть на ногу второй сапог.

Обычно у неё это легко получалось и стоя, но сегодня её то и дело заносило в сторону, и поэтому сапог никак не натягивался.

– Ух ты! Новый жених! Уже! – предвкушая рост ставок, потёр руки дед.

– И думать забудь! – зашипела внуча. – Чтобы я больше не слышала ни о каких ставках! Демонов сапог! – выругалась девушка, которая всё ещё сражалась с упорно отказывающимся натягиваться сапогом. Однако тут же справедливо рассудила, что сапог лишь следствие. – Треклятый новый жених! Мало того, что он мне здесь нужен как упырю диетолог, так он ещё и не мог днём объявиться! Припёрся ни свет, ни заря!

– Ну так, а я о чём? Убить его за это мало! – радостно подсказал находчивый букмекер, продолжая потирать руки.

– Развею! – пригрозила Кая. – Дед, не посмотрю, что ты Хранитель моего замка и развею, если узнаю, что ты продолжаешь принимать ставки!

– Ты можешь попытаться, а можешь поверить мне на слово, что силёнок не хватит! – продолжая потирать призрачные руки, хмыкнул дед.

Кая, наконец, натянула сапог. Подхватила лук, колчан осиновых стрел, походную сумку, в которой было ещё много чего полезного для борьбы с нечистью, начиная с соли и разрыв-травы и заканчивая целым набором заранее приготовленных, заговоренных и заклятых ею зелий и снадобий, и хотела было уже покинуть свою комнату, но уже взявшись за дверную ручку, остановилась.

– Гутлеифр, когда я вернусь, я не отстану от тебя, пока ты, наконец, не расскажешь мне всё об этом пятисотлетнем контракте и почему наследница рода Некрос Мориар должна сочетаться браком именно с поданным Великой Логиртании! – тяжело вздохнув, промолвила она, обратившись к предку по имени, что делала крайне редко.

Вслед за чем нажала на дверную ручку, которую уже держала в руках и покинула комнату.

Доскавав верхом на Спуки до пограничной заставы, где, по словам Аах, её ожидала Моту, Кая спешила и хотела было окликнуть приятельницу, но так и застыла с открытым ртом...

Только что она стояла под ясным голубым небом, посреди ярко освещаемой солнцем пустоши, овеваемая тёплым и лёгким осенним ветерком и вдруг оказалась в эпицентре чудовищной грозы.

Вспыхнувший в небе огонь неистовой шквальной волной обрушился на землю. Уязвленная столь вопиюще бесчестной атакой земля заревела раненым львом-великаном, заходила ходуном так, словно бы в окрестностях устроили соревнования по прыжкам в высоту стадо исполинских быков, и... запылала неистовым, яростным пламенем.

Поняв в чём дело, Кая окончательно проснулась. – Твою ж земную твердь!

Переждав очередной шквал небесного огня, девушка выхватила из-за пояса два кинжала, подняла вверх руки и, скрестив кинжалы над головой, принялась читать заклинание.

Вскоре небо вновь запылало и с него снова одна за другой, словно огненные стрелы, посыпались молнии. Все как одна, прицельно летящие в... стоящую со скрещенными кинжалами Владычицу Сумеречной Пустоши.

Наблюдать то, как с десятков молний и внешне и своим шипением напоминающих огненных кобр наперегонки стремятся поразить хрупкую девичью фигурку, было столь страшно, что даже паук Спуки и Моту, хорошо знающие насколько могущественна Владычица, закрыли глаза и принялись молиться всем известным им богам. Что же касается Уух и Аах, то бедные монстро-паучата ещё и лапками глазки прикрыли, настолько им было страшно.

И только Кая не закрыла глаза. Ураган растрепал её причёску и теперь её черные как смоль волосы десятками, а то и сотнями мелких и очень злых гадюк извивались на ветру, подчеркивая бледность её лица, на котором, словно колдовские изумруды, сияли ярко-зеленые глаза, в которых не было ни тени страха, только решительность, злость и... предвкушение.

Причем предвкушение её было таким явным, что его оценили даже молнии, и... решили действовать сообща.

Пылающая дуга на долю секунды связала глубины черного неба и мерцающую огненными сполохами рунную надпись на кинжалах. Казалось, кинжалы вот-вот расплавятся, однако не выдержали именно молнии. Причём не помогло им даже то, что наблюдавшее за ходом сражения небо весьма своевременно прислало своему передовому карательному отряду подкрепление...

Моту и паучье семейство смотрели и видели, но не верили своим двадцати шести глазам. Подобно мотылькам, обжегшим крылышки о пламя свечи, исполинские огненные кобры отпрянули от заговоренных кинжалов, чадя чёрно-сизым дымом и осыпаясь искрами. Трусливое, а значит, и позорное бегство передового отряда тут же было освистано прибывшим подкреплением пламенных и рьяных разрядов молний, которых, впрочем, вскоре постигла та же бесславная участь. Они тоже всей толпой не смогли справиться всего лишь с одной хрупкой девушкой! И растеряв весь свой огневой и, как следствие, боевой запал тоже вынуждены были позорно бежать.

Как только кружившие над ними молнии все до одной покинули «поле боя», паучье семейство и Моту поспешили к слегка покачивающейся от усталости и растиравшей виски Владычице.

– Хозяйка, ты как? – обеспокоенно спросила Аах.

– Нормально, – устало улыбнулась девушка, пряча кинжалы за пояс. – Но сама не справлюсь. Чтобы окончательно и бесповоротно разобраться с этой... магической напастью, тем более там за границами моих владений, – кивнула она на молнии, которые по-прежнему сыпались с небес всего в нескольких десятках метров от них, – мне придётся попросить помощи у Хранителя Сумеречной Пустоши. – Если, конечно, в этом всё ещё есть смысл? – покосилась она на приятельницу.

– Ещё есть, – кивнула Смерть.

– Тогда прячьтесь, – предупредила друзей Кая и, достав один из кинжалов из-за пояса, провела острием вдоль запястья левой руки. По краю надреза сразу же выступили капельки крови. Сунув кинжал за пояс, Кая несколько раз интенсивно взмахнула раненой рукой для того, чтобы окропить землю вокруг себя своей кровью. И позвала. Громко. Во всю мощь своих лёгких.

– Дух-хранитель Сумеречной Пустоши я Кая делла Марте Некрос Мориар призываю тебя, потому что нуждаюсь в твоей помощи! – прокричала она, и голос её, несмотря на рёв беснующейся совсем рядом грозы, прозвучал мощно и звонко. – Я избранная тобой! В подтверждение чему моя кровь! Прощу! Явись!

Пустошь вокруг неё вдруг взорвалась шорохами трав и треском веток, воем и рёвом диких зверей. Сотни птиц, появившиеся просто ниоткуда взмыли в небо и закружились над ней. Со всех сторон её окружили самые разные звери. Прежде чем её вниманием завладел Хранитель, она успела увидеть несколько волков, пару лисиц, одного медведя, одного оленя и несметное количество енотов, кроликов и белок

Почти неразличимый в темноте силуэт как и птицы и звери возник просто ниоткуда. Фигура Духа-Хранителя была одновременно и похожа и непохожа... на человеческую. Слишком громадной была его голова, слишком длинными руки и слишком огромными – ступни. Да и сам он тоже был огромным. Раза в три, как минимум, громадней стоящей перед ним девушки.

Одет он был во что-то вроде туманного балахона с капюшоном. Из-под капюшона горели глаза – того же необычайно ярко-зеленого цвета, что и у его избранницы.

Несмотря на то, что Кая была избранницей Хранителя, к его помощи она прибегала только тогда, когда все её инстинкты вопили, что она должна поступить именно так, а не иначе.

До сегодняшнего дня подобное чувство накатило на неё всего однажды, и тогда Хранитель помог ей. Что отнюдь не гарантировало то, что он поможет ей и в этот раз.

Как только глаза Каи и духа встретились, Кая хотела было изложить свою просьбу, но Хранитель вдруг улыбнулся ей как-то совсем по-отечески, кивнул и поднял руку вверх. С его руки сорвался сначала лёгкий ветерок. Однако по мере того как он устремлялся прочь, он всё более и более набирал силу, пока наконец не превратился в ветер ураганной силы, который вдруг круто развернулся... подхватил её и понёс.

Окопавшемся глубоко в земле паучьему семейству, впрочем, ураган оказался нипочем, а вот любопытную Моту, которая подглядывала за встречей Владычицы и Хранителя из-за растущих прямо за спиной у Каи кустов, – чуть не унесло.

Благо Спуги вовремя успел среагировать и выпустить нить. Иначе зашвырнуло бы господа шерифа загробного мира в неизвестном направлении, что хотя и неприятно, но ладно. А вот то, что при падении Костлявая, наверняка, переломала бы себе все кости – это уже было совсем нехорошо.

Подхваченная ветром Кая не испугалась. Она откуда-то знала, что именно задумал Хранитель.

Когда ураган, превратившись в обычный ветер, бережно опустил её на землю, тучу как раз прорезал первый луч солнца. И этот луч, словно луч софита, озарил собой её очередного жениха, который в данный момент гораздо больше походил на шишимора болотного, чем на мужчину. И всё же Кая откуда-то точно знала, что это именно очередной жених, а не шишимор.

В темных грозовых облаках между тем уже начали то тут, то там появляться разрывы, сквозь которые виднелось ярко-голубое небо. А шишимор всё не желал выныривать и показывать невесте своё личико.

Ветер уже порвал на клочки темные облака и развеял как добрый волшебник злых духов. Мрак ночи окончательно сменил яркий солнечный свет. Приветствуя который, перекликаясь друг с другом, зачирикали птицы.

И вот тут наконец случилось чудо. Над вонючей жижей всплыло плюющееся и матерящееся личико шишимора.

Глава 6

Состояние невменяемого ужаса хорошо тем, что ничто другое напугать уже не может.

Разрезавший вдруг тишину чудовищный рык, который не то, чтобы очень, но чем-то всё же был похож на раскат грома, заставил и коварную и кровожадную некромантку и её монстров-питомцев не просто вздрогнуть, а подпрыгнуть. Вслед за чем с тревогой заозираться по сторонам. Сигмар же, которому очень не помешал бы душ, лишь с надеждой покосился на небо.

Зря, разумеется.

Абсолютно чистому и безоблачному небу не было никакого дела ни до его надежд и чаяний, ни до того, что у него уже всё тело чесалось, от начавшей подсыхать грязи.

«Учит меня жизнь, учит, чтобы не ждал от неё ничего хорошего. А я как полный дебил продолжаю надеяться на чудо! Хотя почему как дебил? – самокритично озадачился уставший от бесконечной череды разочарований молодой дракон. – Вероятно и мою надежду на то, что дед с Колином спрятались, чтобы затем попытаться отбить меня у некромантки, про которую они уже, как и я, всё поняли, ждёт тоже, что и все остальные мои надежды!»

Громогласный рык между тем повторился и на сей раз звучал он сильнее и ближе. Более того, Сигмар понял, что он не просто скользит по жиже, а его кидает из сторону в сторону, как это бывает на море в сильный шторм.

«Ух ты! Ещё и землетрясение?! И опять по мою голову?! Ха! Не каждому так не везёт!» – почти с гордостью подумал он. И тут он увидел её. Госпожу Смерть. Не должен был по идее видеть, но увидел. С косой. В черном балахоне. В общем, всё как положено. И госпожа Смерть не плыла вальяжно по воздуху, как он себе почему-то всегда представлял, а бежала во всю прыть своих костлявых ног.

И снова не испугался. Даже обрадовался. Потому что достало уже. Все достали уже. И посему бесстрашный и ко всему готовый молодой дракон со мстительным злорадством в голосе завопил:

– Ага, шиш вам! Думали вот он, готовенький! Только подходи и бери! Ан нет! Тут таких желающих как вы! Так что в очередь! В очередь некросовы дети!

Кая, которая сразу же почувствовала специфический запах тления и разложения, поняла, что именно произошло, ещё до того, как, заслонив собой солнце на горизонте возникла громадная тень.

Очевидно, одна из молний, созданных колдовской силой, случайно, а возможно, и не совсем случайно, предположила она, попала в могилу похороненного в Мрачном ущелье одного из самых кровожадных и ненасытных великанов, каких только знала эта земля в прошлом, и оживила его.

Бежать был не вариант. Они просто не успеют. Да и потом. Некромантка она или кто?

И потому, не обращая внимания ни на причитания Аах, которая хотела знать, что происходит, ни на требования Спуки, срочно делать лапы, ни на вопли «суженого», она сосредоточенно плела заклинание, с помощью которого рассчитывала повторно упокоить местную страшную легенду.

Как только заклинание было готово Кая, открыла глаза и увидела перед собой...

Он был громадным и прекрасным. Его серебряная чешуя сверкала в лучах солнца, а из ноздрей вырывались клубы пара. Расправив огромные металлические крылья и откинув рогатую голову, он коршуном налетел на исполинского зомби.

– Твою ж земную твердь! И откуда же ты взялся?! – выругалась девушка. Пот струями стекал по её искаженному от невероятного напряжения лицу. Ещё одна секунда и она бы упокоила восставшего исполина. А теперь ей мало того, что придётся расплести заклинание, потому

что она была не в состоянии удерживать в руках сгусток энергии такой силы, так ещё и потом, если вдруг этот глупый дракон не справится, не известно сможет ли она снова его сплести.

– А я разве не говорила тебе, – тут же подала голос Моту. – Что две сверхурочные души – драконы, и только одна – человеческая?!

– Это был риторический вопрос! Но спасибо за СВОЕВРЕМЕННУЮ информацию! – раздраженно огрызнулась злая девушка.

– Нет, ну это надо?! Я ещё и крайней у неё оказалась! Вот так всегда! Кто подругам помогает, тот поступает зря! – обиделась Смерть. – И можно подумать, знай ты раньше про драконов, тебе это чем-то помогло бы! – проворчала она чуть подумав. И вполне вероятно, продолжила бы ворчать и дальше, поскольку теперь Моту была уверена не только в неблагодарности подруги, но и её несправедливости, однако развернувшееся на её глазах невероятное сражение вскоре полностью завладело всеми её мыслями. – Но зато ка-акое зрелище! Ка-акой бой! – восхищенно выдохнула она и мечтательно добавила. – Подружкам расскажу, об-за-ви-ду-ются!

Бой и на самом деле был эпический.

Исполинский зомби почти не уступал своими размерами дракону. Полуистлевшая плоть ключьями висела на его пожелтевших от времени костях, которые хотя и удерживались вместе только силой заклятия, тем не менее, ничем не уступали в своей прочности броне дракона.

Казалось бы абсолютно лишенный мышц, нервных окончаний и сухожилий скелет не может двигаться от слова «вообще», как, впрочем, и видеть, но эта сюрреальная конструкция не просто передвигалась, но и была довольно резвой, увертливой и... глазастой. Возможно, также, что восставший из могилы исполин обладал и какими-то другими сенсорными чувствами, позволяющими ему с абсолютной точностью улавливать любое движение дракона.

Иначе говоря, серебряному дракону пришлось очень несладко. Изначально Адмар недооценил противника, и потому, неистово работая крылья, набрал бешеную скорость и со всей мощи врезался в... Точнее хотел врезаться в «этот просто набор костей», как думал о восставшем исполине старый вояка. Вот только «набор костей», проявив невероятную прыть, упал на ладони, отжался от земли и затем, вскочив на ноги, успел ещё и схватить протаранившего воздух дракона за хвост! Крепко сжал обеими руками и попытался замахнуться как дубинкой.

Однако в этот раз уже зомби-великан недооценил дракона. Точнее, мощь драконьего хвоста. А мощь его была так велика, что «набор костей» в буквальном смысле взлетел!

Впрочем, к чести зомби-великана он мгновенно сообразил, чем может быть чреват для него дальнейший полёт в качестве прицепа к хвосту крылатого, и потому он, совершив головокружительное тройное сальто, приземлился. И хотя сотрясение от его приземления прошло волной по всем близлежащим окрестностям, «набору костей» это не причинило ни малейшего вреда. В том, смысле, что во всём наборе ни одна, даже самая маленькая косточка, не треснула.

Более того, при приземлении челюсть «набора костей» клацнула так, что зубы ни одного бы живого существа не уцелели бы, а вот зубам зомби-исполина было хоть бы хны.

Посмотрел Адмар на эти острые как иглы и огромные как мечи зубы и понял, что выбора у него нет – придётся забыть о мерах пожарной безопасности для добропорядочных и благочинных боевых драконов, важнейшим пунктом которых было: «Никогда не изрыгай пламя, если по близости находятся гражданские!». К тому же, решил он, правила эти нужны лишь тем драконам, которые не умеют метать своё пламя с умом. А я умею. По крайней мере, умел когда-то...

В глазах опытного бойца, участвовавшего практически во всех драконьих сражениях, которые только случались на континенте, засияли непримиримая решительность и неутомимый азарт. Адмар торжествующе оскалил острые зубы и затем, издав победоносный рык, изверг из своей пасти шквал прицельного огня. Точность и расчет не подвели старого дракона, как и когда-то в молодости, прицел его оказался снайперским, а жар пламени – испепеляющим.

Струя извергнутого опытным боевым драконом пламени угодила точно в те несколько позвонков шейного отдела, в которые он и целился и, как было им и рассчитано, испепелив их, снесла голову исполина прочь.

А вот что старого дракона подвело, причём опять, так это оценка жизнестойкости зомби! Если конечно слово «жизнестойкость» можно использовать применительно к зомби. А ведь можно было и сообразить, что если зомби-исполина не нужны глаза, чтобы видеть, то на кой некрос ему голова?

Вот именно! Исключительно для украшения!

А теперь внимание, следующий вопрос: и на кой зомби украшение?

Вот и зомби-исполин тоже так решил. И потому подцепив ступней свою голову, он как заправский форвард – зафутболил ненужным ему украшением прямиком во всё ещё оскаленные в торжествующей ухмылке драконьи зубы, решив очевидно продемонстрировать, что и он тоже снайпер хоть куда...

В зубы, правда, не попал, но не потому, что его подвела точность, а потому что совершенно обалдевший от подобного разворота событий старый вояка от удивления раззявил свою огромную пасть. И вот в неё-то, словно в футбольные ворота, и влетело оказавшее ненужным зомби «украшение»... которое беспрепятственно преодолев полость зёва, нокаутировало горло крылатой рептилии...

Удар в горло оказался столь жёстким, что дракон не просто поперхнулся, а лишился возможности дышать, голова у него закружилась, глаза его настолько скосились у внутреннего края глазниц, что, казалось, зрачки поменялись местами. Всё вышеупомянутое привело к потере равновесия, и он стал падать крутой спиралью вниз. Однако у самой земли, к счастью, Адмар, несмотря на то, что находился в полуобморочном состоянии, всё же сумел выйти из пике, выровнялся и не рухнул, а приземлился на лапы.

И тут бы опытному вояке, никогда не знавшему поражения в бою, и пришёл конец...

Ибо безголовый зомби-исполин уже спешил к нему, держа наготове костлявые кулаки, потому как настоящее кровавое месиво – это же высшее наслаждение для всякого истинного монстра. И радость его от предвкушения победы была так велика, что перед тем как добить свою жертву – зомби-исполин, возвысившись над поверженным противником, забарабанил могучими костлявыми кулачищами по своей столь же костлявой и могучей груди.

Вот только увлечшись ликованием, исполин совсем забыл о том, что дракон был не единственным его противником... Ну так безголовый же. Что с него возьмёшь?!

И Кая вместе с её верными монстро-пауками, разумеется, не преминули этим воспользоваться.

Уух, Аах и Спукки сообща выпустили свои нити и связали ликующего зомби-исполина по костлявым рукам и ногам. Ясное дело, что навсегда или хотя бы надолго удержать настолько сильного и главное остро-костлявого зомби их паутина не смогла бы, но на это никто и не рассчитывал. Всё, что от паутины требовалось – это удержать исполина на те несколько минут, которые необходимы были Кае для того, чтобы вновь сплести заклинание упокоения.

Вытянув перед собой руки, Кая принялась плести пальцами замысловатые узоры, в которые вплетала также и произносимые вполголоса слова заклинания, которое она читала нараспев. Вначале не происходило ничего, но вот, наконец, перед ней возникла и закружилась воронка энергии.

Чем дольше она пела, тем быстрее вращалась созданная ею воронка. Вскоре анти-жизненной энергии стало так много, что девушке стало нечем дышать, пространство вокруг неё заполнилось духами, призраками и прочими потусторонними сущностями, которым больше не было места в мире живых, их вой и плач с каждым мгновением всё усиливался...

Внезапно тело Каи сильно изогнулось (так изгибается вот-вот готовая порваться слишком сильно натянутая струна). И в следующее мгновение она в буквальном смысле воспарила над землей. Голос её стал частью воя и плача привлеченных ею сюрреальный существ.

Со стороны могло показаться, что девушка полностью отрешена от сего мира, однако как только воронка вспыхнула ярким светом, Кая сильным движением запустила её напрямик в уже почти освободившегося от пут паутины зомби-исполина.

Ещё одно мгновение и «набор костей» оказался окутан, словно туманом, мощными потоками магии. Не желающий сдаваться зомби-исполин боролся изо всех сил, но воронка всё же оказалась сильнее – она до последней капли высосала из него всю ту силу, что позволяла ему не просто двигаться, но и вполне разумно мыслить.

Зомби-исполин судорожно вздрогнул, жалобно затрещал, причём одновременно сразу всеми своими костями и... утих.

Глава 7

Кая чувствовала себя настолько усталой и больной, что усталость и слабость, казалось, спорили между собой, которая из них должна свалить её с ног первой. Но долг гостеприимства, будь он не ладен, требовал сначала позаботиться о гостях. Легко сказать позаботиться, тяжело вздохнув, подумала она, покосившись вначале на кашляющего пламенем, задыхающегося дракона, к которому она и подступить-то не знала как, а уже о том, чтобы чем-то помочь... Затем она перевела взгляд на...

– Не поняла! А где?! Да растуды-сюды вашу паучью мать! Чтоб вам никогда паутины не плести да мух не видать!

Спуки, Аах и Уух не надо было объяснять, кого в очередной раз потеряла их Хозяйка, как впрочем и то, почему она аж настолько обеспокоена и расстроена, что не просто обматерила, но ещё и та-аако-ого нажелала, что всем троим не по себе стало, настолько пугающей была перспектива!

– Щчас будет здесь! – уже на бегу отчитались пауки, которые были исполнены самой непреклонной решимости немедленно отловить сбежавшего жениха.

– Очень на это надеюсь, – пробормотала Кая и полезла в свой заплечный мешок. – Ага вот оно! – достала она из холщовых глубин пузырьёк. – Думаю, это должно помочь. Моту, у меня слишком руки дрожат, поэтому боюсь – промажу. А надо точно в пасть попасть. Иначе или не подействует, или подействует, но толка может не быть.

– Решила отравить старика, чтобы не мучился, – понимающе хмыкнула Смерть. – Очень правильная мысль! – похвалила она.

Никого травить Кая не собиралась, и она как раз открыла рот, чтобы сообщить об этом подруге, но её отвлек резко усилившийся запах болота.

Погода стояла безветренная, поэтому ветром запах принести не могло. Значит, мгновенно сообразила она, запах несёт с собой кто-то другой. Причём, судя по скорости нарастания амбре, несёт, сломя голову.

«Только этого мне не хватало!» – раздраженно подумала девушка, разворачиваясь навстречу несущейся на неё во весь опор дурно-пахнущей и гадко-мокро-чумазой судьбе, с которой, с отвращением и ужасом осознала она, объятий ей уже не избежать.

Представив себе предстоящее соитие, Кая содрогнулась всем телом и, чуть не расплакавшись от досады, мысленно посетовала.

– Эх, прав был дед, убить его мало, этого нового жениха! Вот только хорошая мысль, как известно, приходит опосля!

Сигмар понимал, что силы слишком не равны, поэтому ему вряд ли удастся спасти деда. Кроме того он знал, что и дед, наверняка, не захотел бы, чтобы его внук погиб в безнадежной попытке освободить его. Поэтому-то молодой дракон и предпринял попытку бегства. Причём попытку удачную. Воспользовавшись тем, что на него никто не обращает внимания, молодой дракон отполз к расположенному неподалёку кустарнику, который выбрал за то, что тот стоял в большой луже. Дальше всё было просто – заползти в кустарник, слиться с лужей, что было совсем не сложно, учитывая то, что он уже был с ног до головы обмазан грязью и болотной тиной, и затаиться.

Дальнейшего чёткого плана действий у Сигмара не было, но у беглецов, спасающих свои шкуры – плана никогда нет. Единственное что ими движет – это инстинкт выживания. И те, у кого он хорошо развит – выживают. А те у кого – не очень хорошо, соответственно, не выживают. Это же касается и пленников. Поэтому он верил, что он не только спасётся сам, но и со временем спасёт деда.

В отличие от Каи, Сигмар за жизнь деда в связи с застрявшим в его горле черепом не беспокоился, так как знал, что температура в горле дракона такая же, как и в жерле вулкана. Иначе говоря, какой бы крепкой ни была кость черепа – ему в любом случае, в течение нескольких ближайших минут предстояло стать пеплом.

Когда все три паука проскакали в двух шагах от него, не заметив его и не уловив его запаха, Сигмар впервые за последние несколько дней искренне поверил в то, что на сей раз удача таки на его стороне. Вспомнив кому, точнее чему он обязан тем, что ему наконец-то подфартило, он принёс извинения своей заднице и поблагодарил её за «удачный» выбор лужи. Как вдруг, словно гром среди ясного неба прозвучал голос Смерти, нахваливающей некромантку за то, что та решила... отравить его деда, дабы тот не мучился!

Ну вот и что ему оставалось делать?!

«Дед, конечно, дал маху, когда связался с этим зомби-исполином вместо того, чтобы подхватить внука в одну лапу, Колина в другую... Кстати, а где Колин? А какая теперь разница? Хотя с другой стороны, не мог дед поступить иначе, разве мог благородный серебряный дракон не вступить в сражение с нежитью, которая после того как покончила бы с его врагом, причинила бы кто знает ещё сколько бед и несчастий?» – Молнией промелькнуло в возбужденном мозгу молодого дракона вышесказанное, прежде чем он понял, что уже бежит со всех ног, пытаясь спасти жизнь своему деду.

– Нашла! Я жениха нашла! Нашла и надёжно упаковала! И теперь он никуда не убежит! – радостно завизжала, захлопала лапками и запрыгала Аах, которая не только нашла жениха и упаковала в паутину, но и в последнее мгновение успела-таки спасти свою хозяйку от дурнопахнущих и гадко-мокро-чумазных объятий её суженного.

– И как вовремя нашла! – Кая так обрадовалась нечаянному избавлению, что и сама бы с удовольствием запрыгала и захлопала в ладоши, если бы была в состоянии. Поэтому она ограничилась лишь тем, что рассмеялась от облегчения.

А вот Сигмару было не до смеха. Замотанный в паутину с ног до головы благородный горе-спасатель лежал у ног жестокой некромантки и всё на что он был способен – это лишь извиваться как уж на раскаленной сковороде.

«Не успел! Не успел! Не успел!» – сокрушался он, с ужасом слушая, как жестокая некромантка повторно инструктирует Смерть на счёт того, что пузырёк важно закинуть именно в пасть, потому что только в этом случае... чихательное зелье, достаточно эффективно действует на дракона.

Старый дракон тоже слышал, как Владычица Сумеречной пустоши инструктирует местную представительницу загробного мира, насчёт зелья и потому пытался изо всех сил, пытаясь успеть раскрошить застрявший в его глотке череп до того, как зелье попадет ему в пасть. При чем услышав о том, что зелье не отравное, а чихательное Адмар засопел, задышал и закорпел ещё активнее.

Но не успел. И что особенно обидно. Не успел всего лишь на одно мгновение. И потому чихнул. Причём в первый раз чихнул ещё, будучи в драконьем обличье...

Ослепляюще белое пламя вырвалось из недр драконьей глотки гигантским гейзером и прокатилось волной, сжигая всё на своём пути.

Кае, которую в очередной раз очень вовремя подхватила Аах, понадобилось несколько оторопело-оглушающих секунд, чтобы осознать, что только что случившееся – это дело её рук, точнее её безобидного чихательного зелья.

– А-аааах! Ааааааба-аалде-ть! А-аааах! – восхищенно-вожделенно выдохнула Моту.

– Да уж, – мрачно изрекла Кая, которая, как и подруга, глаз не могла оторвать от представшей ей взгляду картины.

Вот только взгляд Каи и Моту приковали к себе совершенно разные картины.

Кая с замиранием сердца наблюдала за тем, как над оранжево-алой огненной рекой поднимаются, клубясь и извиваясь в замысловатом танце потрясающей красоты серовато-фиолетовые облака, по краям и в центре которых то и дело вспыхивали ярко-алые искры.

А Моту, обмахиваясь руками, дабы не лишиться сознания, пялилась во все глаза на совершенно обнаженного безостановочно чихающего седовласого красавца дракона, сидящего на корточках и прикрывающего причинное место, в центре довольно внушительного по размерам совершенно нетронутого огнём участка. Но литые мускулы зрелого мужского тела и отменное сложение, обеспеченное щедрой природой, даже такая поза скрыть не могла.

– Эххх, – грустно вздохнула Костлявая. – Где мои семнадцать лет?!

– Там где и прошедшие пара-тройка тысячелетий? – ехидно прокомментировал Уух, на спине которого в данный момент восседала госпожа местный шериф.

– Скажешь тоже? – оскорбилась Моту. – Всего лишь там, где и девятьсот тридцать четыре годочка, два месяцочка, четыре денёчка и-иии... – достала она карманные часы из кармана, – почти уже три часочка. Но кто считает?! Только не я! И кроме того, глупый паучишка, дело не в возрасте! Я и сейчас ещё хоть куда! Любую семнадцатилетнюю за пояс заткну! – подбоченилась Костлявая.

– Как скажешь! Как скажешь, – с сомнением и иронией в голосе закивал головой глупый паучишка, который хотя и не был драконом, но тоже предпочёл бы семнадцатилетнюю.

– Просто ж драконам, им до старости лет только девственниц подавай! Э-ээх! – продолжала вздыхать Костлявая, не обращая внимания ни на сарказм Ууха, ни на то, что Кая уже в третий раз к ней обращается.

– Мо-ооту! – позвала Кая подругу в четвёртый раз. – Мо-оооту!

– А-аа! – наконец-то отозвалась та, да и то только потому желавший угодить Хозяйке Спуки запеленал по-прежнему безостановочно чихающего седовласого красавчика в паутину и затем навьючил его извивающееся и содрогающееся от чихов тело себе на спину, где уже лежали рядышком спеленатые, словно новорожденные двойняшки, Сигмар и Колин.

К слову, Колина Спуки обнаружил ещё тогда, когда отправился искать сбежавшего жениха. И тогда же сразу спеленал и забрал с собой. После чего рассудив, что за арестантами, то есть гостями, проще присматривать, когда они находятся вместе, особенно если при этом они похожи, как мумии-близнецы, взял на себя также конвоирование Сигмара, то есть, заботу о нём. И теперь Глава Замковой Стражи присовокупил к ним и третьего заключенного. То есть, разумеется, он имел в виду, гостя, в очередной раз поправил себя Спуки.

Хотя в отличие от внука, старый дракон по-прежнему не считал Каю убийцей, тем не менее, в данный момент он искренне полагал, что такую невесту и... врагу не пожелаешь! Не то, что любимому внуку! К данному выводу старый дракон, у которого мало того, что жутко болело разодранное черепом горло, так ещё и саднило в груди из-за бесконечных чихов, пришёл, основываясь на собственном горьком опыте. Хотя, что касается боли в груди, боль он бы Кае простил. Но у него ещё и нос чесался! Жутко чесался! А он его почесать не мог. Потому что был спеленат как младенец.

«Надо как можно быстрее расквитаться с этим дельцем, – мрачно размышлял Адмар. – И валить отсюда!»

Его друг, лорд-канцлер Альдеяр был прав, кто-то очень не хочет, чтобы Кая вышла замуж за подданного Великой Логиртании. Теперь Адмар знал это наверняка. Более того, он сумел установить, что гроза, присланная по душу его внука, пришла с севера, а не с запада. Именно поэтому старый дракон и задержался. Потому что хотел установить, не исходит ли опасность из дома той, к которой они едут, так сказать, в гости.

Нет, из дома Владычицы опасность не исходила, а вот о «гостеприимной» хозяйке этого сказать было нельзя!

«Угробит, как есть угробит, единственного внука! – сокрушался безостановочно чихающий Адмар. – Это ж додуматься надо было! Напоить огнедышащего дракона чихательным зельем! Это ж всё равно, что в кипящий котёл разрыв-траву добавить! Как можно этого не понимать?!» – мысленно кипятился старый дракон, с каждым новым чихом становясь всё более и более ужасного мнения о так называемой суженой внука.

– Моту, а что с этими останками будем делать? – Кая кивнула на довольно внушительную костяную гору, уцелевшую потому, что огненная река, не только проложила себе русло в другой стороне, но и началась в нескольких метрах от того места где лежал чихнувший дракон. – Как думаешь, может, стоит их должным образом похоронить?

– Если я правильно тебя поняла, ты интересуешься, не желаю ли я взять на себя эту великую честь?! – язвительно проворчала Смерть.

Состроив приятельнице щенячьи глаза, Кая смущено улыбнулась.

– Ладно, – тяжело вздохнула Костлявая. – Но будешь должна! И Ууха оставь! Не самой же мне эти кости таскать!

– Да, конечно, Уух поможет, – кивнула девушка. – И облегченно вздохнув, распорядилась. – Всё, теперь домой!

Глава 8

Как только Кая и её спутники въехали во внутренний двор замка, навстречу им наперегонки бросились почтенная мать трёх старых дев и собственно и сами старые девы.

– Внученька моя драгоценная, устала небось?! – ласковым голосом приветствовала её почтенная мать, протягивая влажные полотенца, дабы драгоценная внученька могла стереть с лица и рук дорожную пыль.

– И в горле наверняка пересохло! – протянула ей кувшин с водой тетка Агнесса, которая, несмотря на свою отнюдь не спортивную комплекцию, сумела-таки обойти сестёр на короткой дистанции и подросла первой.

– Каичка, а я тебе твой любимый завтрак приготовила, – словно мячик, прыгала за спиной дородной сестры низкорослая пышка Эвномия.

– Да подожди ты со своим завтраком, Эва! Я уверена, что наша девочка, сначала захочет ванну принять! – в своей обычной манере презрительно фыркнула Левкофея.

Уставшая и магически истощенная Кая мечтала только о том, чтобы завалиться в постель, и проспать, как минимум, до следующего вечера. И чего ей совершенно не хотелось – это интересоваться тем, что от неё нужно бабке и тёткам. Вот только, если их сейчас не выслушать, они продолжают донимать её фальшивой заботой и назойливой опекой, а ей хотелось, чтобы её оставили в покое.

– Просто скажите, что вам от меня надо, – тяжело вздохнув, попросила девушка.

– На-аам? От тебя? – весьма правдоподобно изумились бабка и тётки. – Побойся Некроса, Кая! Как ты могла подумать! Мы же от чистого сердца! Сначала ты уехала ни свет ни заря, никому ничего не сказав. Затем гроза! А потом как бабахнет и полыхнёт! Вот мы и распереживались! – наперебой повествовали родственницы.

– Значит, ничего не надо – ещё раз вздохнула Кая, спешившись с Аах. – Что ж тогда спасибо за то, что встретили, – кивнула она. – Спуки, наши гости на тебе, – кинула она через плечо и попыталась пробиться ко входу в Замок.

Спуки взял спеленатых словно мумии гостей под три лапы и проследовал следом за хозяйкой.

Гости, к слову, вследствие того, что беспробудно спали, не только были похожи на мумий, но и вели себя как мумии. Однако уснули они не потому, что устали. Все трое были так взбудоражены событиями утра, что даже, если бы не были связаны по рукам и ногам, а с комфортом лежали в мягкой, уютной постели – всё равно вряд ли бы уснули.

Дело в том, что гостеприимной хозяйке просто стало жалко бесконечно чихающего Адмара и она, дабы облегчить его страдания, передала Спуки – сонное зелье. Спуки же, которого гораздо больше донимали брыкающиеся Сигмар и Колин, решил усыпить всех троих.

– Ка-ааичка, а мы правильно понимаем, что гости – это вот эти замотанные в саван штуки, которые у Спуки в руках? – с надеждой в голосе, поинтересовалась Агнесса, преградив племяннице путь своими необъятными телесами.

– Да, это наши гости, – кивнула Кая, решив, что тетка выражается образно и поэтому ей даже в голову не пришло поправить, что гости замотаны не в саван, а в паутину. Вслед за чем мечтающая как можно скорей оказаться в постели Хозяйка замка сделала очередную попытку прорваться к его входу. Снова неудачную. – Да что же это такое?! – с досадой в голосе поинтересовалась девушка. – Мне позволят сегодня попасть в мой замок или нет?!

– А почему он их несёт? – задала очередной вопрос Агнесса, дабы увериться, что они таки всё правильно поняли. А две её сестры и мать – более чем заинтересовано замерли.

– Наверное, потому что они сами идти не могут! По ним не видно, что ли? – раздраженно ответила девушка. – Тётушка, ты уступишь мне, наконец, дорогу или нет?! Я устала!

– Видно! Конечно, видно! Всё очень хорошо видно! Что ж мы покойников от живых отличить не способны?! Некромантки мы или кто?! – радостно кивая, подтвердили родственницы.

Кая, прекрасно знала, какие именно некрмантки её бабка и тётушки и без этой демонстрации их «выдающихся» способностей, как знала и то, что напоминать им об этом себе дороже будет. Поэтому она закивала как болванчик, вздохнула и подтвердила. – Конечно, способны.

– О твердь земная! Благодарим тебя! – дружным хором радостно взвизгнули «некрмантки» и, взявшись за руки, затанцевали. – Ну теперь старый хрыч у нас попляшет!

– Ох да, – спохватилась Эвномия, – прими наши соболезнования, милая!

– Целую неделю у нас в рабстве! Мне его даже жалко! – потирая руки, злорадно хохотнула бабка Танталия. – А я вам сразу сказала, что старый хрыч просто пытается сохранить хорошую мину при плохой игре! – объявила она. – А вы разнылись, мол, а вдруг он действительно что-то задумал?! А вдруг у него и на самом деле туз в рукаве?! Ну что, теперь убедились, что мои источники – точные?!

– Но только не тогда, когда твои источника перекупит старый хрыч, внуча, – не менее злорадно, чем Танталия, похихикивал Хранитель замка, наблюдавший сцену во дворе из окна замка. – Это мне вас жалко, дорогие мои внученьки! Целых четыре рабыни на целую неделю! Держи Васка, – в воздухе материализовалась переливающаяся сотнями самоцветов брошь, – честно заслужила!

– Если вознаграждение достойное, то почему ж и не услужить? В общем, обращайся снова, если что! – чинно прокаркала сорока и, подхватив в клюв брошь, вылетела в окно.

Во дворе же между тем один из покойников вдруг чихнул.

Старые девы и их почтенная матушка замерли в ужасе. Сердце у всех четверых ушло в пятки.

Отрицание. Гнев. Торг. Депрессия. Принятие.

В течение нескольких последующих минут жертвы продажной сороки Васки прошли все пять стадий горевания о потерянной свободе и несбывшейся мечте об исполняющем все их прихоти Хранителе замка.

«Не-эээ! Не может быть! Мне просто показалось!» – решила и постановила каждая из них и даже успела немного успокоиться.

Но тут чих раздался во второй раз. А затем ещё раз. И ещё раз. Вслед за чем чихавший покойник ещё и задёргался и замычал. И вместе с ним задержались и замычали и оставшиеся два покойника.

– Внуча, а они что, жи- жи- жи- живые? Все до одного живы-ы-ы-ы-ые? – полным ужаса голосом, заикаясь, не спросила, но взвыла старая некрмантка, всё ещё не веря происходящему.

– Прошу прощения, так уж вышло, – устало вздохнув в очередной раз, саркастически изрекла внуча.

– Что значит, так уж вышло?! – возмутилась старая некрмантка. – То есть, ты их что, оживила?! Не смешно!!! Совсем не смешно!!! Нехорошо внуча, так над бабушкой шутить! Ану немедленно верни их в исходное состояние!!! – возмущенно потребовала старая некрмантка, плавно переходя от стадии «отрицание» к стадии «гнев».

– Очень нехорошо!!! Немедленно верни!!! – грозно потребовали тётки, уперев руки в буки, и столь дружно топнули при этом правой ногой, словно заранее репетировали. – Прямо сейчас!!! А то иначе...

– Что иначе? – упёрла руки в боки и Кая. – К тому же они уже в своём исходном состоянии. Они абсолютно, стопроцентно живы! Уж поверьте мне...

– Не сме-шно!!! – гневно-укоризненно припечатали племянницу тётки.

– Ва-аааска-аааа!!! Го-оооолову откручу-уууууууу лжи-ииииивая и прода-аааажная птица-ааааа!!! – вне себя от ярости и отчаяния завопила Танталия, которая случайно подняв глаза вверх, заметила наблюдающего за ними Хранителя замка и всё поняла. – Поймаю! Су-ууууп сварю-уууу!!!

– Кто-ооо? Я-ааа продажная?! – всхлипывая и сморкаясь, весьма убедительно возмутилась сорока, вытирая при этом правым крылом притворные слёзы. – Да у меня ж просто вы-ыыыбора не-эээ было-ооо! Он меня заста-ааавил!!! Деточек моих похи-ииитил и заста-ааавил!

– Врё-ооооошь! – не повелась на представление обманутая клиентка. – Су-ууууп сварю-уууу!!!

– Не вру!!! Всеми птичьими богами клянусь!!! Не вру-ууу!!!! – спрятав левое крыло за спину и скрутив дулю, продолжала настаивать на своей искренности навзрыд рыдающая сорока.

– Так твой источник – Ва-аааска?!! Ы-ыыыыыы!!! – взвыли, схватившись за голову дочери и переключили свой гнев на мать. – Старая ду-уууура!!! Нашла кому ве-эээрить!!! Ста-аааарая, выжившая из ума иди-ооотка – вот ты кто!!!

– Так, всё!!! – теперь уже ногой топнула Кая. – Ушли с дороги, или... – грозно объявила Хозяйка замка, чем не только обратила на себя внимание, но и напомнила бабке и тёткам, а зачем, собственно, они вышли встречать её во двор и пытались задобрить.

Связано это было с тем, что предупрежденные добродушным Парки о том, что Хранитель что-то затеял, уже успевшие поспорить с предком родственницы Каи, заволновались.

С одной стороны, волноваться вроде было не о чем, думали они. Если уж Смерти на кого пришла разрядка, то это дело решенное. Сомневаться в словах информатора Танталии стоило бы только в том случае, если бы они лично своими глазами не видели, что местная Смерть встречалась с Аах. Но они видели. Кроме того, потом они наблюдали этот ужасный магический шторм и огненную реку. И ещё был выброс антиживой материи. Что-то подобное они обычно ощущали, когда Моту открывала врата в загробный мир. Иначе говоря, все четверо были свято уверены в том, что жених номер пять и два его сопровождающих отправились следом за четырьмя предыдущими.

И всё же ставки были слишком высоки, чтобы не перестраховаться.

– Ка-аааичка, – неожиданно для Каи дружным хором заискивающе запели бабка и тётки. – Пожалей молодые жизни, отпусти молодцев на все четыре стороны! – приступили они к реализации своего плана «Б». – Тут их всё равно рано или поздно, но найдёт-таки смерть! Сама знаешь, наш замок – место гиблое! А если ты их отпустишь прямо сейчас, то у них ещё, возможно, будет шанс выжить! – перебивая друг друга, вещали «сердобольные» родственницы.

– Мне вообще кажется, что это наш прадед Гутлеифр их изводит, – понизив голос до шёпота, заговорщицки продолжала Агнесса. – Ему же где-то жизненные силы надо брать, не у нас же! Мы всё-таки его родная плоть и кровь. Вот и изводит он твоих женихов.

– Агнесса права! Я тоже думаю, что это он! – ещё тише и таинственнее заявила Эвномия, опасливо поглядывая на замок. – Это он! – зловещим шепотом повторила она. И её сестры и мать усердно кивали головами.

– Больше никому! – многозначительно подвела итог Танталия. Голос её при этом звучал так тихо, что Кая скорее догадывалась, чем слышала, что именно говорит ей бабка. – Поэтому, внученька, выход только один – нужно нашему пра-пра-пра сказать, что они... – кивнула она в сторону Спуги, – что они не выжили!

– Всё ясно! – закатив глаза, усмехнулась Кая. – Аах, Спуги, уберите, пожалуйста, с дороги моих родственников.

– Давно пора было! – одобрительно проворчал Спуки, подхватывая в единственную оставшуюся свободной лапу визжащую Агнессу, и наблюдая за тем, как остальные члены заградительного отряда разбегаются в разные стороны.

Глава 9

Не успела хлопнуть дверь, ознаменовав тем самым, что доставивший их монстр покинул помещение, Сигмар тут же принялся извиваться, пытаясь сорвать с себя паутину.

– Помочь? – посмеиваясь над усилиями внука, предложил старый дракон, который уже успел с помощью драконьего пламени и когтей освободиться от своего паутинового кокона. Впрочем, гораздо больше его радовало то, что он не чихал вот уже несколько минут.

– А тымм хаммх фымуоашь? – поинтересовался молодой дракон, рот которого по-прежнему был залеплен паутиной, и которого в данную минуту не только ничто не радовало, а наоборот всё раздражало.

– Думаю, что ты мог бы и повежливее попросить, – парировал Адмар, стаскивая с огромного стола бархатную скатерть и обматывая её вокруг пояса.

– Мфосси мофамуйсса уссал офенссимуной! – начал было вежливо просить Сигмар, но потом решил, что дед слишком много от него хочет. – Фсефасталы, сомесьмей! – гордо заявил он и принялся извиваться интенсивнее прежнего.

– Извинения приняты. И объяснения тоже! – хохотнул старый дракон и, выпустив когти, разрезал на внуке паутину.

– Дед, я считаю, что ты просто обязан снять с меня этот демонов браслет! – потребовал внук, едва только к нему вернулась возможность говорить внятно.

– Сигмар, ты прекрасно знаешь, что об этом не может быть и речи, – укоризненно изрёк старый дракон. – Сигмар делло Бранд – считается мёртвым и таковым, в интересах расследования обстоятельств смерти младшего наследника, пока должен и оставаться. И этот браслет – гарантия того, что ни одно самое сильное поисковое заклятие тебя не обнаружит, если вдруг слухок о том, что тебя якобы где-то видели живым – просочится-таки в столицу.

– Если вдруг просочится?! Ха-ха! – насмешливо фыркнул внук. – После того, что ты сегодня устроил? Этот дилижанс уже трижды ушел! Причём ушёл так далеко, что уже не догонишь и назад не вернёшь! Уже завтра вся столица будет гудеть о том, что серебряного дракона видели в окрестностях Закатных скал. Тех самых Закатных скал, которые принадлежат Владычице, которая ищет себе мужа. И учитывая, что ты ей в женихи не подходишь...

– Почему это не подхожу? – усмехнулся старый дракон. – Очень даже подхожу! Я столь же знатен, сколь и ты, внучок. Точнее, это ты столь же знатен, сколь и я. Потому что это я всё ещё могу лишить тебя и наследства и даже титулов, а не ты меня. И я подданный Великой Логиртании. А о том, что жених должен быть ещё и молод – в договоре ничего не сказано. Поэтому, даже, если меня и видели и молва об этом дойдет до Логирхеймии, то она просто подтвердит официальную версию, согласно которой, потеряв единственного внука, я настолько обезумил, что решил посвататься к проклятой невесте.

– Хмм, тонко продуманно, – закивал головой Сигмар. – Не подкопаешься, – добавил он задумчиво. – Подожди, а я в качестве кого тут, если жених ты?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.